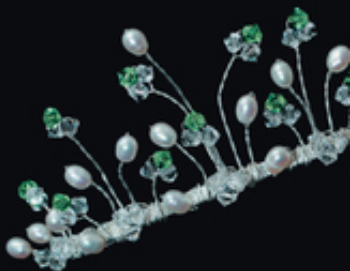

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

БРИЛЛИАНТОВЫЙ
ДЕТЕКТИВ

*Невинные
дамские
шалости*

Татьяна Викторовна Полякова
Невинные дамские шалости
Серия «Авантюрный детектив»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123004
Невинные дамские шалости: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 5-699-16728-5*

Аннотация

Разве это не злая насмешка судьбы – встретить мужчину своей мечты, а через пару часов стать свидетелем его страшной смерти? Неведомые убийцы в масках расстреливают красавца блондина прямо на глазах у Татьяны. Она чудом спасается от их преследования, но ее жизнь с этого мгновения превращается в ад. Покушения следуют одно за другим, таинственным образом исчезает любимая подруга... Но все же есть один шанс остаться в живых, и Татьяна не намерена его упускать...

Содержание

Татьяна Полякова	4
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Татьяна Полякова

Невинные дамские шалости

Проводы затягивались. Мне уже раз шесть успели пожелать «счастливого пути», а я – «счастливо оставаться», но сесть в машину и наконец-то отчалить все никак не удавалось. То Сергей Сергеевич вспоминал что-то некстати, то Валентин Иванович шутил, то Надежда Васильевна с поклоном напоминала: «Мы на вас очень рассчитываем». В ответ я улыбалась, кивала и бессчетное количество раз заявляла, что их производство «произвело на меня отрадное впечатление». На самом деле я так и не поняла, чем они там занимаются, то есть что производят. Хотя три часа бродила по фабрике, внимательно ко всему приглядывалась и даже минут пятнадцать постояла у конвейера. Любое производство для меня – тайна за семью печатями, и назначение здешних болтов, дощечек и гаек я так и не уловила, но помещения тешили глаз чистотой и порядком, так несвойственными родному Отечеству, это я не преминула отметить с большой радостью и смогла похвалить вполне осмысленно. Рабочие (преимущественно мужчины) смотрели на меня с веселым любопытством, из чего я сделала вывод, что народ здесь не бедствует, и порадовалась еще раз.

После обзорной экскурсии меня ждал королевский обед

в кабинете директора в компании с его замом, главбухом и, разумеется, им самим. Люди приятные, несуетливые и мне понравились. Себя я чувствовала первым секретарем обкома социалистических времен, приехавшим в захолустье родной вотчины, и пришла к выводу, что быть первым секретарем здорово и даже забавно, а главное – совсем необременительно. Поэтому, когда директор (звали его Сергей Сергеевич) сказал, улыбаясь:

– Надеюсь, Алла Леонидовна, вам у нас понравилось, – я с улыбкой ответила:

– Очень, – и тут же добавила, как меня учила Алька: – Со своей стороны я сделаю все возможное, чтобы наше соглашение состоялось. – И даже руку к груди прижала, чтобы нагляднее продемонстрировать свою искренность. Искренность произвела впечатление, все разом заулыбались и о делах больше не говорили. Люди попались воспитанные и умные: знали, когда стоит поднажать, а когда помолчать. Конечно, мы не молчали, я поинтересовалась историческим прошлым города (гуманитарные предметы ближе моей творческой натуре) и получила исчерпывающий ответ. В общем, обед удался. Я поблагодарила радушных хозяев и теперь стояла возле машины с открытой дверцей и пыталась с ними проститься. Моя правая нога была уже в салоне, когда Надежда Васильевна спросила:

– Вы сами за рулем?

– Да, – улыбнулась я и что-то там присовокупила о своей

любви к быстрой езде, свойственной любому русскому, одновременно пугаясь, что разговор может вспыхнуть вновь и я вообще сегодня никуда не уеду, но хозяева улыбнулись еще шире и в три голоса воскликнули:

– Всего доброго!

А я завела мотор и помахала им рукой.

– Алла Леонидовна! – крикнул Валентин Иванович. – Ждем вашего звонка.

Я кивнула, еще раз помахала рукой и тронулась с места. После чего вздохнула с заметным облегчением, а потом засмеялась: затея с переодеванием вроде бы удалась.

Город остался позади, я потянулась к телефону и попыталась связаться с Аллой Леонидовной, которую изображала в течение пяти часов с большим усердием. Алька отозваться не пожелала. А жаль. Мне хотелось отрапортовать о своих успехах и удостоиться похвалы. Но не судьба. Тому, что я сегодня в районном центре изображала очень важную даму, способствовали два обстоятельства: моя врожденная страсть к авантюрам и Алькина неумная тяга к мужскому полу. После тридцатилетнего юбилея в подружку точно бес вселился, она в буквальном смысле не могла пропустить ни одного мужика. Есть представители сильного пола, которые волочатся за каждой юбкой, а Алька, по аналогии, волочилась за каждым брюкачом.

Мы были знакомы лет десять, судьба свела нас в больнице,

где Алька работала медсестрой, а я отлеживалась со сломанной рукой и разбитым сердцем, пребывая в том возрасте, когда мечтают об идеальных возлюбленных, навешивают этот самый идеал на кого попало, а потом очень сердятся, что оригинал не соответствует мечтам. Сердца разбиваются, а душа страдает.

Я страдала заметно для окружающих, это углядела Алька, у которой тоже были сердечные проблемы, и вечерами, во время ее дежурства, мы пили чай и сетовали на сильный пол, да так преуспели в этом, что после моей выписки обходиться друг без друга попросту не могли и вскоре стали закадычными подругами.

Алька не блистала красотой, была умна, чрезвычайно скромна и сильно опасалась, что засидится в девках. Поэтому была готова выскочить замуж за первого, кто об этом попросит. Этим первым оказался мой давний знакомый, старший брат школьной подруги, в то время новоиспеченный комсомольский лидер районного масштаба. Он был высок, широкоплеч, голубоглаз и мог, как заведенный, болтать по два часа кряду на любую тему. От всего этого великолепия Алька прямо-таки обалдела и ходила за ним, точно привязанная. Витька дураком не был, к тому же догадывался, что, кроме как болтать, ничего путного не умеет, а Алька – скромница, умница и труженица, именно та самая женщина, которая будет ему верной женой. Как раз тогда Алька стала депутатом горсовета (самым молодым, об этом даже в газе-

те писали, областной, конечно) и смогла перебраться из общежития в квартиру. После чего сыграли свадьбу. Первые годы супружеской жизни принесли Альке одни разочарования. Прежде всего выяснилось, что о наследниках мечтать не следует, повинна в этом была какая-то мудреная болезнь, обнаруженная у моей подруги, отчего та не только буквально впала в отчаяние, но и нажила массу комплексов: ведь она не могла осчастливить любимого мужа вопящим чадом. Потребовалось много времени, чтобы подружка сообразила: вопящее чадо нужно ее благоверному, как снег в мае. Однако Витька был не только эгоистом до мозга костей, но и большим хитрецом: как только речь заходила о детях, он затихал, смотрел грустно и выглядел совершенно несчастным, чем умудрялся поддерживать Алькины комплексы, при этом позволяя себе скромные радости на стороне. Алька его оправдывала и страдала. Иногда мне хотелось как следует встряхнуть ее, увезти куда-нибудь подальше от голубых Витенькиных глаз, чтобы подружка пришла в себя и увидела, кто на самом деле так ловко возле нее пристроился, но жизнь и без моего вмешательства внесла свои коррективы. Времена изменились, надобность в комсомольских лидерах отпала, зато на свет божий появились предприниматели всех мастей. И тут Алькин ум, проницательность и деловая хватка вкупе со связями Витьки сыграли решающую роль: голубоглазый супруг вскоре стал многообещающим бизнесменом, а подружка вкалывала, как лошадь, проталкивая его к денежным вер-

пинам. Надо полагать, Витька многократно перекрестился, радуясь, что не свалял в свое время дурака, избрав в спутницы жизни красивую вертихвостку, а женился на Альке.

Богатство, не замедлившее явиться, произвело в моей подруге разительные перемены. Наконец-то она смогла позволить себе дорогие тряпки (при этом обнаружилось и вкус, и стиль), а вслед за этим Алька взглянула на себя иначе, убедившись, что на Витьке свет клином не сошелся и на свете полным-полно других мужиков. А когда у тебя есть настоящее дело и мозги заняты, относиться к мужскому полу начинаешь без особого романтизма, как говорится, не любишь – и не люби, мы еще пошарим вокруг. Из одной крайности Алька впала в другую. То скромна была до святости, то стала распутна до неприличия. Каюсь, в роли распутницы она мне нравилась больше – от страданий, как чужих, так и своих, у меня начинает голова болеть. Да и Витеньке не мешало получить по заслугам. После тридцати лет Алька окончательно спятила, разом решив наверстать упущенное в молодости, истощала себя диетами, физическими упражнениями и подолгу смотрела на фотографии принцессы Дианы, каждый раз обретая в них вдохновение. Имя Альбина, полученное при рождении, показалось ей неблагозвучным и почему-то деревенским (кстати, Алька как раз в деревне и родилась, ее малая родина размещалась в такой глубинке, что дорога туда вызвала во мне настоящий ужас. Решив посетить исторические места, я с удивлением обнаружила, что в ста кило-

метрах от областного центра есть еще нехоженые тропы, а главное, неезженные дороги, однако нахально обозначенные на карте). В общем, Альбина стала Аллой, малость подправила биографию и хоть на княжеский титул не замахивалась, но прозрачно намекала на близкое родство со всеми ныне здравствующими знаменитостями. Я при случае охотно поддакивала и во всеуслышание заявляла, совершенно искренне, что Алла Леонидовна – редкая женщина. Несмотря на все это, в глубине души Алька оставалась все той же простой, нежной и несчастной женщиной, с большой обидой на то, что ее единственная настоящая любовь не была оценена по достоинству.

Резкие перемены в жизни привели к тому, что старых друзей Алька растеряла, не считая, разумеется, меня. К моей особе она испытывала нечто сродни страсти. Кажется, я заменяла ей всех: подругу, духовника и родное чадо в придачу. Она делала мне царские подарки, в меру сил вносила в мою жизнь элемент упорядоченности и все пыталась понять: на какие такие шиши я умудряюсь жить прямо-таки припеваючи. Тут надо пояснить, что я в своей жизни сменила множество профессий, но ни одна из них не пришлась мне по душе настолько, чтобы раз и навсегда остановиться на ней. Зато у меня были идеи. Самые разные, иногда неожиданные. Еще у меня была сестра, в настоящее время проживающая в Израиле, куда последовала за любимым мужем. У Ленки сроду не было никаких идей, зато была счастливая способ-

ность любую из них превращать в презренный металл, точнее – в купюры разных цветов и достоинств. Алька очень бы удивилась, узнай, на чем я смогла сделать приличные деньги. Например, на туалете. Размещался он в парке Пушкина, по соседству с танцплощадкой, в бывшей церковной сторожке (церковь стоит чуть выше, на горе). В парке во времена моей юности дежурили наряды милиции, бдительно шаря по кустам в поисках пьющих, курящих и целующихся. Единственным недоступным для ментов местом был этот самый туалет, обозначенный буквой «Ж». Он стал своеобразным клубом, где можно было выпить, покурить и постоять обнявшись со своим парнем, не опасаясь, что на его плечо ляжет чья-то рука и суровый голос задаст идиотский вопрос: «Вы чего тут делаете?»

Как-то раз, прогуливаясь по парку, я набрела на бывший туалет, ныне вновь церковную сторожку, и, умиленно взирая на свежепобеленные стены, всецело отдалась воспоминаниям. После чего мы вместе с приятелем изготовили фотографию: я в желтом сарафанчике по моде десятилетней давности на фоне этого самого туалета (сторожке мы временно вернули большую букву «Ж»). Таким образом, на свет появилась открытка с надписью «Привет из юности». Внутренний голос шептал мне, что на этом можно заработать, но чтобы так... Благодаря помощи моей милой сестрицы земляки в Израиле, которых было, кстати сказать, там немало, отваливали за мой «привет» прямо-таки немислимые деньги, и он

того стоил: взглянув раз на открытку, владелец оной мог часами баловать слушателей воспоминаниями о своей юности.

Алька, обнаружив эту открытку, долго смеялась и качала головой: как я уже сказала, в юности подружка была невыносимо скромной и с данным объектом ее ничто не связывало. Но и она купила открытку, потому что на ней был запечатлен мой светлый образ.

– Тебе хоть копейку заплатили? – хмыкнула она.

– За что? – деланно удивилась я, а Аллька назидательно проронила:

– Дура, люди на таком вот дерьме деньги делают. – Подружке нравилось думать, что я растяпа, а мне не хотелось ее переубеждать.

Тут я вновь вернулась мыслями к Аллле Леонидовне, которую сегодня изображала с таким удовольствием, и попыталась с нею связаться. Аллька явно была занята чем-то чрезвычайно интересным, я даже догадывалась чем. Когда даме чуть за тридцать, она богата, обладает пылким воображением и временем заняться собой, на сцене неизменно появляется герой-любовник. Он не заставил себя ждать и в этот раз: два месяца назад Аллла Леонидовна влюбилась, а влюбившись, как водится, начала безумствовать. Больше обыкновенного торчала в сауне и парикмахерской и с пренебрежением относилась к домашним обязанностям. Само собой, каждую минуту быстротекущей жизни она хотела посвятить возлюбленному. Тот тоже безумствовал и посвящал и то-

же пренебрегал семейным очагом. Безумства обоих волшебным образом никак не сказывались на делах (возлюбленный управлял крупным банком), поэтому я очень удивилась Алькиному предложению, сделанному мне накануне.

Она приехала поздно, около двенадцати, открыла дверь своим ключом и устроилась на кровати, поджидая меня. Я в это время блаженствовала в ванной и громко пела (странное дело, как только оказываюсь в воде, так сразу тянет что-нибудь исполнить). Из комнаты полились звуки шубертовской «Аве Мария» и достигли моих ушей, я натянула халат и прошлепала в комнату. От родителей мне досталась трехкомнатная «хрущевка», из которой я, по мнению близких, сотворила нечто несусветное. С моей точки зрения, получилось занятно: внутренние перегородки были снесены и перестроены, в результате чего получилась большая кухня и большая комната с аркой. Беда в том, что придать всему этому пристойный вид всё руки не доходили. Я мнила себя гением дизайна, идеи появлялись и исчезали, и за два года я так и не смогла на чем-либо остановиться. Алька не выдержала и сделала в моей квартире ремонт по своему усмотрению, пока я отдыхала в Крыму. Тона она предпочитает светлые, а обои дорогие. В результате подобных пристрастий квартира стала напоминать сугроб в погожий январский денек. Я пришла в ужас, сказала «спасибо», а потом махнула на все рукой: заниматься переклейкой обоев мне было лень. С обстановкой тоже вышла неувязка, «сугроб» все портил: старая идея не

годились, а новые не спешили появляться, и пока в комнате стояла огромная кровать (ручной работы с инкрустацией) – подарок мужчины средних лет с золотыми руками, который до сего дня повторяет с тоской, глядя на меня: «Надежда умирает последней». Так как живу я на втором этаже, Алька купила шторы на окна (белые, разумеется) и два огромных ковра, один на стену, другой на пол, потому что она вечно мерзнет, а тапок у меня не сыщешь днем с огнем.

Алька сидела на кровати, слушала Шуберта и смотрела на меня с томлением. Потом предложила:

– Может, купить тебе диван?

– Не надо, – испугалась я.

– Люди приходят, а сесть негде.

– Почему это? На полу полно места, а для удобства есть подушки, шестнадцать штук. Больше народу квартира все равно не вместит.

Алька махнула рукой, перевела взгляд на люстру, вздохнула и сказала:

– Дело есть.

Я растянулась на кровати, сунув под голову подушку, и лениво спросила:

– Какое?

– Важное. У моего завтра свободный день. Прикинь?

Я прикинула: такое, судя по Алькиным рассказам, случилось нечасто.

– Хотим закатиться ко мне на дачу.

– Дело хорошее, – кивнула я, ожидая, что последует дальше; надо полагать, я буду в группе прикрытия вешать Витеньке лапшу на уши и следить за тем, чтобы ситуация не вышла из-под контроля.

– Мне завтра надо на фабрику ехать, сто километров, – нахмурилась Алька. – Люди ждут.

– С любимым поедешь? – спросила я, а она разозлилась:

– Драгоценное время терять?

– Неужто не поедешь? – ахнула я и даже приподнялась на локте, заглядывая подружке в глаза: пренебрежение к работе – что-то новое, не иначе как безумства любви приобрели опасный размах.

– Слушай, съезди ты, – предложила Алька, а я в ответ выпучила глаза:

– Как это?

– Очень просто, на машине. Приедешь, помотришь, с народом пообщаешься. Эта встреча ничего не значит, все уже решено, понимаешь?

– Понимать-то я понимаю, но людям вряд ли понравится, что ты кого-то вместо себя послала, да и Витька может об этом узнать и заинтересоваться.

– А ты скажешь, что ты – это я.

– Что ж они, совсем дураки? – не поверила я.

– С их директором мы общались только по телефону, виделись однажды, два года назад, мельком. Не думаю, что он

меня хорошо запомнил. Наденешь мой парик, нацепишь очки, возьмешь мою машину. Я с утра предупрежу, чтоб тебя встретили. А если Витька туда позвонит, ему подтвердят, что я на месте. Хочется спокойно и без суеты побыть наедине с любимым человеком.

– А если они начнут меня расспрашивать о чем-нибудь?

– Ты ж не дура, выкрутишься.

Я посмотрела на Альку и засмеялась. В целом идея выглядела забавной: отчего ж не выступить в роли Хлестакова, или, точнее, Хлестаковой? Алька вышла в прихожую, а вернулась с сумкой.

– Вот парик. Напяливай.

Следующие полчаса мы всюду развлекались. В Алькином парике цвета воронова крыла я выглядела необычно и даже загадочно. Но похожей на Альку отнюдь не стала, поэтому она нахлобучила мне на нос свои очки с темными линзами. Мы еще немного помудрили и пришли к выводу, что маскировка вполне сгодится, в конце концов, мало кому придет в голову придирается к моей внешности.

– Блеск, – хмыкнула Алька, облобызала меня и направилась к двери.

– Эй, – всполошилась я. – А если Витька и впрямь позвонит?

– Вещай моим голосом, – ответила подружка и добавила: – Машина под окнами, ключи в кухне, на столе. – И удалилась. Таким вот незатейливым образом я оказалась в роли важной

дамы.

День, поначалу пасмурный, вдруг разгулялся, солнце светило ярко, и щеголять в парике по такой погоде – значило бы не любить себя. Я притормозила у обочины, сняла его, швырнула в сумку и, достав зеркало, придала себе привычный облик. Еще раз позвонила Альке, с тем же успехом, и отправилась дальше. Вот тут-то и начались мои неприятности. Машина вдруг повела себя очень странно: я давила педаль газа, а красавица «Ауди» двигалась нехотя, точно что-то ей мешало, потом начала подозрительно дергаться, а под конец и вовсе встала как вкопанная. Я вышла из машины и сделала что могла: дважды обежала ее по кругу, заглянула под капот и пнула переднее колесо. Но даже после этого машина не пожелала трогаться с места. Это выглядело тем более невероятным, что машина была новой и Алька, между прочим, никогда на нее не жаловалась. Я чертыхнулась, а потом и приуныла. По здравом размышлении выход был один: найти Альку, и пусть она сама разбирается со своей техникой. Я с надеждой снова набрала номер и даже попросила неведомо кого: «Помоги мне, а?» Но чуда не произошло, подружка не пожелала ответить, а машина завестись. Вот так всегда: если день начнется удачно, значит, закончится неприятностями. Бессмысленно провоевав с машиной еще минут двадцать, я произнесла несколько затейливых фраз, обращаясь к ее совести, и вышла на дорогу, в надежде обрести сострадательную душу в лице какого-нибудь водителя.

Дорога, до сего момента перегруженная транспортом, разом опустела. Мимо проскочил «КамАЗ», шофер, хмурый пожилой дядька, взглянул на меня сурово и отвернулся. То же самое сделали еще четверо: водитель автобуса, блондинка на «девятке» (впрочем, в помощь с ее стороны как-то не верилось), парень на «Запорожце» и благородный отец семейства на стареньких «Жигулях». В общем, не везет, и все тут. Приключения мне разом разонравились. Желаящих помочь не было, а Алька в эйфории любви отвечать не желала. Я села, не закрывая дверь, выставила ноги на дорогу и стала ждать неведомо чего: спасителя или Алькиного звонка. Прошло минут десять, и тут в поле моего зрения возник черный «Опель». Двигался он точно нехотя и вроде бы не зная, куда желает попасть. Создавалось впечатление, что его хозяин чего-то искал на дороге и времени на это имел предостаточно. Я даже не успела выйти из машины и махнуть рукой, а он уже тормозил у обочины. Я вздохнула: надо полагать, за рулем весельчак-мужчина кавказской национальности и помощь обернется большими хлопотами. Прикинув, что хлопоты все-таки лучше скучного ожидания того момента, когда у машины появится совесть, я выпорхнула на дорогу, дверь «Опеля» распахнулась, из него вышел молодой мужчина, а я выпучила глаза и приоткрыла рот, кажется, до неприличия широко: передо мной стоял мужчина моей мечты. Во-первых, он был блондином, а мне всегда нравились блондины, но на них не везло, ни одного по-настоя-

щему блондинистого мужчины у меня не было, если не считать Сережки Казанцева, с которым я дружила в пятом классе. Во-вторых, блондин был синеглаз, сокрушительно красив, ослепительно улыбался ровными, жемчужного цвета зубами, так что казалось невероятным предположить, что они настоящие, был хорошо одет и прибыл на роскошном «Опеле», при этом обладал высоким ростом и завидной фигурой. Короче, не мужчина, а рождественский подарок под елкой – большой, упакованный в нарядную обертку со всевозможными бантами и ленточками.

Я слабо охнула, силясь удержаться на ногах, и торопливо мазнула взглядом по своим рукам. Маникюр выглядел безупречно. За все остальное я не переживала. Придала позе изящество, а лицу выражение томной неги и страстно прошептала:

– Вы не могли бы мне помочь?

Блондин улыбнулся еще лучезарней, окончательно ослепил меня и ответил:

– С удовольствием. – После чего нырнул под капот «Ауди».

Я встала рядом, избрав позу, выгодно обрисовывающую мою фигуру в чрезвычайно дорогом костюме, и тарасилась на блондина во все глаза. Хотелось протянуть руки, вцепиться в него покрепче и взвыть: «Мое!» Блондин увлеченно возился с машиной, то и дело с большим интересом поглядывая на меня. Я скромно потупила глазки, налилась румянцем

и чуть-чуть улыбалась.

– Что-нибудь серьезное? – спросила испуганно.

Он стал мне что-то объяснять. Я насчитала шесть знакомых слов, но они не смогли пролить свет на причину моего бедственного положения. Уловив в моем лице растерянность и с опозданием сообразив, что лекция меня скорее испугала, нежели внесла ясность, блондин вздохнул, ободряюще улыбнулся и сказал:

– Здесь неподалеку станция техобслуживания. Думаю, за час они с этой проблемой справятся.

– Да? – пролепетала я, взяла телефон и вновь попыталась связаться с Алькой, хотелось услышать ее мнение: стоит заезжать на станцию или нет? Алька вновь не пожелала ответить, блондин вытирал руки полотенцем, любезно предложенным мною, а я пыталась представить, как выгляжу в настоящий момент. Надо полагать, очень неплохо. Красота моя бросается в глаза, костюм выгодно подчеркивает достоинства фигуры, в руках у меня сотовый, а рядом сверкает темными боками новенькая «Ауди», хотя и не желает трогаться с места.

– Вы не могли бы попросить на станции, чтобы они кого-нибудь прислали? – пропела я с мольбой во взоре, небрежно бросив телефон в сумку.

– У меня есть трос, – сообщил блондин. – Думаю, будет лучше, если мы сами доставим вашу машину на станцию.

– Это вас не очень затруднит? – обеспокоилась я, слегка

выставив левое бедро, юбка на мне короткая, и я не сомневалась, что в комплексе это произведет впечатление.

– Что вы, – ответил он. – С огромным удовольствием.

Я с трудом перевела дыхание от обрушившегося на меня счастья. Подумать только, в один день досыта наестся красной икры и встретить такого мужчину. «Надо быть настороже, – сурово одернула я себя. – Судьба так просто подарками не разбрасывается».

– Тогда, может быть, мы поедем? – ласково предложила я.

Он сходил к своей машине, вернулся с тросом, подцепил мою, затем устроился в «Опеле» и махнул мне в окно рукой. Я плюхнулась на сиденье, прошептала: «Господи боже!» – и намертво вцепилась в руль.

Станция техобслуживания размещалась на окраине районного центра. Блондин аккуратно въехал в ворота и втянул в них меня, после чего мы плавно затормозили, он подошел и помог мне выйти.

– Я узнаю, к кому следует обратиться, – сказал он и ненадолго исчез.

Через несколько минут меня лишили машины, то есть вкатили ее в какие-то ворота с надписью «Бокс № 1» и их закрыли, а я осталась во дворе, в котором не наблюдалось совершенно ничего интересного. К счастью, блондин вернулся очень быстро.

– Ребята сказали, пару часов придется подождать.

– Что ж, ничего страшного, – кивнула я и добавила со значением: – Спасибо вам огромное. Просто не знаю, что я делала бы одна на дороге. В машинах я не очень разбираюсь.

– Ваша машина? – спросил он, кивнув в сторону бокса.

– Моя, – зачем-то соврала я. – Она почти новая, и вдруг такая незадача... – Я вздохнула и потупила глазки. Выходило, что нам пора прощаться, мне этого очень не хотелось и блондину, как видно, тоже.

– Я мог бы вас подождать, – вдруг предложил он с чрезвычайной любезностью, – чтобы убедиться, что все в порядке, ну и компанию составить.

– Что вы, что вы! – заволновалась я, глядя на него с признательностью бродячей собаки, которой ни с того ни с сего отвалили здоровущий кусок мяса. – Вы и так потратили на меня столько времени.

– Этого добра у меня сколько угодно, – засмеялся блондин и добавил: – Меня зовут Сергей. А вас?

– Таня, – улыбнулась я и протянула руку, он осторожно пожал ее и, взглянув на часы, предложил:

– Танечка, давайте попробуем отыскать в этом захолустье ресторан. Я сегодня даже не завтракал, а время уже за обед перевалило.

Мой желудок был буквально переполнен деликатесами, но отказаться я не смогла. Мы покинули станцию техобслуживания и совершили обзорную экскурсию по городу, сидя рядышком в роскошном «Опеле».

Ресторан в городе был один, назывался он «Дружба» и выглядел препауришно.

– Да, – приуныл Сережа и спросил: – Как думаете, нас здесь не отравят?

– Не уверена, – честно призналась я.

Мы решили рискнуть и вскоре сидели за столиком на двоих, покрытым гнетущего вида скатертью. Я попыталась не касаться локтями стола и вообще отодвинуться от него подальше.

– Глупо было приглашать вас в такую забегаловку, – устыдился Сережа.

– Что вы! – ахнула я и в доказательство сложила на столе руки, придав себе вид чрезвычайно демократичной женщины, каковой на самом деле и являлась. Не будь улыбка блондина столь лучезарной и не страдай я сама от обжорства, скатерть и общий вид ресторана вовсе бы меня не тревожили, а все предложенное добрыми людьми в отпечатанном на старенькой машинке меню я стрескала бы за милую душу, даже глазом не моргнув.

Сережа улыбнулся, протянул руку и коснулся моей ладони, взглянув мне в глаза с большим чувством. Я пунцово покраснела и вновь потупила глазки. Тут подошла официантка, и Сережа сделал заказ: единственное, что я способна была съесть сейчас, это салат, его и заказала. К счастью, тарелка оказалась маленькой, а салата в ней еще меньше, и я смогла его проглотить без особых усилий. Сережа, с аппетитом

уничтожая фирменное блюдо, дважды взглянул на часы. Я забеспокоилась:

– Вы торопитесь?

– Я? Нет. То есть... Танечка, у меня назначена встреча...

– Господи, что же вы сразу не сказали? Я так беспардонно вас использую...

– Чепуха. – Он ухватился за мою ладонь, заставив мою грудь бурно вздыматься. Стало ясно: я влюбилась в блондина, и с вежливостью пережимать не стоило, а ну как вправду уедет, оставив меня на этой дурацкой станции. – Мне совсем не хочется уезжать... Вы замужем? – вдруг спросил он, а я торопливо заверила:

– Нет, – и тут же брякнула: – А вы женаты? – опомнилась и пролепетала: – Извините. Бог знает, что со мной сегодня...

Сережа улыбнулся и сказал:

– Я не женат. Занимаюсь бизнесом. Вечером у меня встреча с одним клиентом... но почему бы не послать его к черту?

– Если это из-за меня, то не стоит. Мне очень неловко. Хотя, если честно, не хочется, чтобы вы уезжали...

Тут мы оба засмеялись, и разговор пошел веселее. Выяснилось, что в нашем городе мы живем в одном районе. Я поведала некоторые факты своей биографии, самые интересные, разумеется. Из рассказа следовало, что живу я одна, тружусь в редакции областной газеты (это, кстати, почти правда, я там кем-то вроде внештатного сотрудника), по профессии художник-оформитель, интересы разносторон-

ние, люблю путешествовать, а на досуге пишу маслом (все чистой воды вранье, путешествовать я не люблю, к сестре в Израиль выбиралась дважды и чуть не скончалась в самолете, мою мазню маслом только псих обзовет пейзажем, а интерес у меня один: повалять дурака, да чтоб при этом никто не мешал). Однако женщина с моим лицом просто обязана иметь богатый внутренний мир, вот я старательно и сотрясала воздух всякими глупостями. Сережа кивал с пониманием и мою ладонь уже не отпускал, а я стремительно поднималась к вершинам блаженства.

Все испортил Сережин взгляд, исподтишка брошенный на часы.

– Сережа, – засомневалась я, – может быть, вам лучше уехать? Я чувствую, эта встреча важна для вас.

Он тяжело вздохнул, а потом предложил:

– Танечка, поедemте со мной. До города пятьдесят километров. За вашей «Ауди» вернемся завтра. Я с удовольствием составлю вам компанию, завтра у меня как раз свободный день.

Предложение выглядело заманчивым. Я подумала, что не помешало бы мне посоветоваться с Алькой, и извлекла телефон из сумки. Подружка общаться не пожелала, а я разозлилась: в конце концов, у нее любовь, а у меня что? «Ауди» никуда не денется, а терять так счастливо найденного блондина совершенно глупо.

– А почему бы и нет? – пожалала я плечами в ответ на на-

стойчивый взгляд Сережи. Он расплатился, и мы покинули ресторан.

– Думаю, стоит заехать на станцию, – сказал он уже в машине.

Мне было все равно, куда ехать и заезжать, думать я могла только о его глазах, лучистой улыбке и ямочке на подбородке. Господи, да неужто мне так повезет, что я заполучу этого парня? Может, еще и замуж выйду. Муж-бизнесмен – это как раз то, что мне нужно. Машина у него очень приличная. Конечно, сейчас полно всякого жулья, но он производит хорошее впечатление... От размышлений меня отвлек вопрос Сережи, правой рукой он рылся в ворохе кассет и поинтересовался:

– Какую музыку вы любите?

А я заметалась мыслями: что бы такое ответить позаботливее, подчеркивающее богатство моего внутреннего мира? Не придумав ничего оригинального, я честно ответила, что особых пристрастий в музыке не имею и выбор мой зависит от настроения, в настоящее время с удовольствием послушаю что-нибудь лирическое. Сережа улыбнулся, поставил кассету, и мы покинули городок.

Первые пятнадцать минут все шло просто отлично: мы разговаривали, смотрели друг на друга со значением и даже решили перейти на «ты». Я туманно объяснила, куда и зачем ездила, а он поведал о том же еще туманнее. Потом его рука легла на мою руку, предусмотрительно возложен-

ную на край сиденья, а я на всякий случай взглянула на дорогу: конечно, блондин во всех отношениях мужчина стоящий, но управлять машиной одной рукой при бурном движении – дело опасное. К моей радости, бурное движение на дороге отсутствовало, именно поэтому я и обратила внимание на «Тойоту», поначалу просто мазнула по ней взглядом, а через несколько минут отметила, что «Тойота» ведет себя странно: мы двигались со скоростью километров семьдесят (удовольствие совместного путешествия стоило продлить), а она почему-то плелась следом, соблюдая значительную дистанцию, хотя шоссе было свободно и инспекторов ГАИ не наблюдалось. Лично мне не приходилось встречать владельца джипа, который при подобных обстоятельствах стал бы плестись за кем-то сзади. Я подумала, может, сказать об этом Сереже, но он, взглянув в зеркало, как видно, тоже заприметил «Тойоту» и нахмурился.

– Что-нибудь не так? – спросила я.

– Что? – не понял Сережа, потом улыбнулся, сказал: – Все отлично. – И прибавил скорость.

«Тойота» исчезла из поля моего зрения, чему я, признаться, порадовалась и попыталась вернуться к светской беседе. Однако что-то меня беспокоило, причину этого самого беспокойства я попыталась обнаружить, и выходило, что это проклятый джип, хотя его сейчас и не видно, но он мне все равно не нравится. Я покосилась на своего спутника, он весело болтал, однако то и дело поглядывал в зеркало, что он

там высматривает, понять было нетрудно. К счастью, движение на шоссе возобновилось, я с облегчением вздохнула, урезонив себя: рядом с мужчиной своей мечты совершенно необязательно забивать голову разной чепухой.

Сереза продолжал мне что-то рассказывать, но в глазах его плескалось беспокойство, и это меня пугало. Человека я совершенно не знаю, и хоть он, конечно, мужчина, о котором я давно мечтала, но неприятностей я не ищу, а назваться бизнесменом может любой, поди отгадай, кто он на самом деле. «Попросить его остановить машину, – пришла мне в голову мысль. – Автостопом вернусь на станцию техобслуживания, Алькину «Ауди» как раз починят, и я отправлюсь домой». Я уже совсем было собралась обратиться к Серезе с просьбой, как он взглянул на меня с лучистой улыбкой, призывно мерцая глазами, а я слабо охнула. К тому же «Тойота» вроде бы исчезла, а впереди возник указатель «Пост ГАИ 500 м». В этот момент справа показалась проселочная дорога, и Сереза торопливо свернул на нее.

– Отдохнем немного, – сказал он, заметив мой недоуменный взгляд, а я, честно сказать, испугалась, поэтому и заявила, собрав всю свою твердость:

– Сереза, мне это не нравится.

– Танечка, – ласково попросил он, – очень прошу, не думай обо мне плохо. Я сутки за рулем, просто хочу немного размяться, прогуляемся чуть-чуть и поедем дальше.

Выглядел он абсолютно искренним, хотя кто его знает...

«А вдруг он какой-нибудь маньяк? Завезет в лес и... Такой симпатичный... а почему маньяк непременно должен быть уродом? Вот как раз симпатичные легко входят в доверие, и романтичные женщины готовы следовать за ними на край света, а заканчиваются такие поездки очень печально. Однако маньяк он странный: выбрал место в пятистах метрах от поста ГАИ. К тому же у меня телефон и газовый баллончик в сумке, просто так я себя укокошить не позволю».

Я вновь покосилась на Сережу, он улыбался мне младенчески невинной улыбкой, и только извращенный ум мог бы заподозрить в нем маньяка. «Нормальная реакция мужика, встретившего на дороге красивую женщину: съехать в сторону и попытаться счастья. Конечно, ему ничего не обломится, и затеял он это совершенно напрасно, женщина я демократичная, но не до такой степени, чтобы заниматься любовью с мужчиной, которого знаю чуть больше часа, да еще в машине, хотя бы и в такой шикарной».

Между тем симпатичная песчаная дорожка, попетляв между берез и елок, оборвалась на лесной полянке, которая радовала глаз веселой зеленью и яркими ромашками. У меня возникла мысль, что Сережа хорошо знал данную местность и выбрал полянку не случайно. Вряд ли, свернув наудачу, можно сыскать такое место. Я бы, например, уж точно оказалась возле песчаного карьера или мусорной свалки, но удача у всех разная. На всякий случай я открыла сумку, делая вид, что ищу зеркало. Сережа вышел из машины, немного прогу-

лялся и махнул мне рукой, крикнув:

– Здесь земляника!

Я покинула машину, крепко сжимая в руке сумку и прикидывая, следует ли приближаться к Сереже. Пока я валяла дурака, он собрал букетик земляники с ярко-красными ягодами, выглядевшими очень аппетитно, и пошел мне навстречу.

– Хорошо здесь, правда? – сказал, протягивая мне букетик.

Я улыбнулась, взяла из его рук землянику и стала есть, повесив сумку на плечо. Сережа, поглядывая в сторону дороги, вроде бы прислушивался. Вряд ли среди деревьев он мог разглядеть машины на шоссе, но его желание свернуть на проселочную дорогу стало мне более-менее понятно. Подозревать мужчину своей мечты во всяческих пакостях – ужасное свинство, поэтому, взглянув на него, я спросила:

– Сережа, ты ждешь, когда они проедут?

– Кто они? – нахмурился он, а я пожала плечами.

– Они или он. Я имею в виду «Тойоту».

– Значит, ты тоже заметила?

– Мне показалось странным, что они плетутся сзади.

– И мне... тем более странно, что я уже видел эту «Тойоту», – говорил он доверительно, при этом смотрел мне в глаза. Во взгляде читалось желание быть кристально честным. Я с облегчением вздохнула и расслабилась. Теперь на маньяка мой спутник и вовсе не походил.

– Сережа, у тебя неприятности? – застенчиво спросила я, не зная, как объяснить, что я очень хотела бы чем-нибудь помочь ему.

– Нет, – покачал он головой, подумал и повторил: – Нет. По крайней мере, я ни о каких неприятностях не знаю.

– Может быть, они вовсе не за тобой ехали? – предположила я.

– Может быть. Утром, как только я выехал из Нижнего, я заметил их. Точно так же держались, на расстоянии. Поначалу я голову себе не забивал, но в Старом Городище зашел в кафе позавтракать и в окно увидел, как «Тойота» проехала мимо, а через час опять обнаружил их за собой.

– Может быть, они тоже куда-то заезжали? – бог знает кого пытаюсь обмануть, сказала я.

– Вот это я и хотел проверить. Потому и съехал с шоссе. Здесь неподалеку пост ГАИ, подождем полчаса, и если эта чертова тачка опять окажется у нас на хвосте, значит, сомнений нет, кому-то я понадобился, только вот ума не приложу: кому и зачем?

– Мы можем остановиться на посту ГАИ и заявить, что нас преследуют.

– Не думаю, что наш рассказ произведет впечатление.

– Но они, по крайней мере, проверят документы у этих типов. Ты не заметил, много их там?

– Мне показалось – двое. За такими стеклами особенно не разглядишь.

Количество предполагаемых врагов меня слегка успокоило, двое – это не пятеро, а у нас есть телефон, газовый баллончик, и к тому же Сережа на хлипкого интеллигента ни-сколечко не походил, я уверена, при случае он вполне сможет постоять за себя.

– Подождем немного и выберемся на шоссе, – предложила я. – Даст бог, это все наши фантазии, и «Тойоту» мы больше не увидим.

Тут я вспомнила о Сережиной встрече и спросила:

– Время у нас еще есть? Ты не опоздаешь?

– Время есть, – кивнул он, взял меня за руку и добавил: – Прости, что втянул тебя во все это. Надо было ехать одному. Только очень не хотелось упускать свой шанс: в жизни не видел никого красивее тебя.

Я улыбнулась скромно и даже покраснела, само собой, после таких слов просто смешно было принимать во внимание каких-то там типов в количестве двух человек.

– Я думаю, все будет хорошо, – уверенно заявила я и сама взяла Сережу под руку. Мы немного прогулялись, чутко прислушиваясь к шуму, доносившемуся со стороны дороги. Все-таки «Тойота» нас очень беспокоила. – Наверное, они уже проехали, – сказала я почему-то шепотом.

– Я тоже так думаю, – согласился он. – Возвращаемся?

Мы пошли к «Опелю», а я посмотрела в сторону кустов и подумала: «Нанесет урон моему романтическому образу тот факт, что я решу сходить в туалет? Все эти волнения совер-

шенно не сказались на работе моего организма. Мы взрослые люди, и, по-моему, в моем желании нет ничего такого...»

– Сережа, – сказала я. – Я тебя догоню... отлучусь на минутку.

Он кивнул, а я нырнула в кусты. Здесь в обилии произрастала крапива, да и к «Опелю» чересчур близко, я немного углубилась в лес, сорвала ромашку и, остановившись, погадала «любит – не любит». Вышло «любит», я обрадовалась и вприпрыжку поскакала дальше. Наконец расстояние между мной и «Опелем», с моей точки зрения, стало подходящим. Вот тут я и услышала шум машины, она, безусловно, была где-то совсем рядом, скорее всего на нашей поляне, я охнула и бросилась бежать в ту сторону, на ходу достала из сумки газовый баллончик, в этот момент хлопнули двери, а Сережа громко и отчаянно закричал:

– Таня, беги!

Господи боже, я завертелась на месте, не сразу сообразив, куда я должна бежать. Наверное, к посту ГАИ... Но, пока я бегаю, эти типы могут избить Сережу или угнать его «Опель» и сотворить еще массу ужасных вещей. «У меня есть телефон», – напомнила я себе, правда, в настоящий момент толку от него немного, раньше чем через несколько минут помощь не подоспеет. Если этих типов только двое, вполне возможно, что мы справимся. У меня хватило ума не бросаться на выручку сломя голову. Сделав несколько шагов вперед, я осторожно выглянула из-за кустов. Картина,

представшая моим глазам, буквально вогнала меня в столбняк. На поляне трое типов в масках схватили Сережу, точнее, схватили двое, а третий держал возле его лба пистолет.

– Вы с ума сошли, – белыми губами бормотал Сережа. – Я ничего не понимаю. Я не понимаю...

Я так и не успела оценить ситуацию и решить, что делать: тип в маске переместился чуть левее, и грохнул выстрел. Сережу я не видела до тех пор, пока он не рухнул на землю. Голова его исчезла в траве, и левая рука безвольно откинулась в сторону. А я заорала. Я стояла, сжимая кулаки, и орала так, точно своим криком могла все изменить.

– Черт, девка, – проронил стрелявший тип, сунув пистолет за пояс штанов. Футболка при этом задралась, и я увидела на его спине, чуть выше поясицы, родимое пятно, очень большое, какой-то странной эллипсовидной формы. Пятно это точно заворожило меня, я стояла и пялилась на него, мало что соображая, и неизвестно, сколько бы еще продолжала стоять, но тип в этот момент добавил: – Найдите ее! – И я сообразила, что говорят они обо мне и в самом деле сейчас найдут.

Я слабо охнула, развернулась и бросилась бежать. Ноги сделались точно ватные и не желали слушаться, к тому же я была в туфлях, а на высоких каблуках бежать по лесу – занятие не из легких, но перед глазами стояла картина: Сережина рука, безвольная и неживая, и это видение гнало меня вперед. Ветви хлестали по лицу, я выла, несколько раз

начинала кричать: «Помогите!» – совершенно не понимая, что в лесу мне никто не поможет. Разумнее было бы затаиться и таким образом попытаться спастись от преследователей, но размышлять здраво в тот момент я была не в состоянии. Обернуться и посмотреть, что происходит за спиной, казалось невыносимо страшным, горло горело, я задыхалась и вновь начинала орать и тут обо что-то споткнулась и кубарем полетела с обрыва. Сумка зацепилась за какой-то сучок, а я, пролетев еще с десятков метров, больно ударилась затылком о ствол березы. Взвыла и вскочила на четвереньки. Попробовала подняться, но на это моих сил не хватило. «Сумка, – с тоской подумала я. – Проклятая сумка... в ней моя единственная надежда на спасение...» Я пошарила глазами вокруг и увидела сумку, висевшую на тонкой березе, согнувшейся под ее тяжестью.

– Надо ее достать, – произнесла я вслух и поползла вверх, и тут совсем рядом услышала мужской голос, кто-то почти над моей головой кричал:

– Витька, Витька, ты ее видишь?

– Нет, – наконец ответил Витька.

– Она где-то правее, там впереди обрыв, а девка наверняка ломанула к посту ГАИ.

– Господи, – прошептала я, кусая пальцы. – Стоит им подойти чуть ближе к обрыву, и они меня увидят. Или сумку... Если они ищут правее, значит, мне надо двигаться в другую сторону.

На четвереньках я бросилась к кустам, приходя в ужас от производимого мной шума. К счастью, преследователей я тоже больше не слышала. Забилась в кусты и попробовала отдышаться. «Сумка, надо ее непременно достать... там телефон. Конечно, смешно рассчитывать на газовый баллончик, когда у этих типов оружие, но и он сейчас очень бы пригодился, а если они увидят сумку, то непременно будут искать меня здесь...» Я выглянула из кустов и глухо простонала, даже пожаловалась:

– Я не могу. Я боюсь. – А потом поползла, цепляясь за ветки кустов и торчащие из земли корни. Мне казалось, что этот подъем никогда не кончится, сделав последний рывок, я ухватилась за сумку, дернула ее на себя и вновь покатила по склону, влетела спиной в кусты и взвыла от боли, угодив лопаткой на что-то острое. Закрыла глаза, хватая ртом воздух и чувствуя, как слезы стекают по моим щекам, горестно всхлипнула и, разлепив веки, огляделась. Сумка была со мной, обеими руками я намертво прижимала ее к животу.

– Надо выбираться отсюда, – сказала я вслух. – Как бы эти не вернулись... Нет, сначала позвонить.

Окровавленные пальцы не желали подчиняться, с огромным трудом я извлекла телефон и тупо на него уставилась. «Куда звонить? В милицию, естественно. Сколько здесь до города? О господи! Давай, давай звони куда-нибудь». Я набрала номер. Голос дежурного показался мне каким-то сонным. Надо полагать, я ему показалась ненормальной.

– Вы меня слышите? – заорала я и тут же сжала рот ладошкой. – Алло...

– Слушаю, – ответил дежурный.

– Только что убили человека, на лесной поляне. Какие-то типы в масках, они были на джипе «Тойота», красного цвета, номер я не заметила.

– На какой поляне, кого убили?

– Убили моего друга. Застрелили, господи боже, они за мной гонятся...

– Кто гонится? Где вы?

«Он что, идиот?»

– В лесу. Я упала с обрыва, а они пошли в сторону... Да вы едете или нет? – разревелась я.

– Куда? – изумился дежурный. – Какой лес, какая поляна, откуда вы звоните?

– Поляна в лесу, съезд с шоссе направо, перед указателем «Пост ГАИ 500 м», возле поселка Красный Богатырь. Вы слышите?

Тут где-то наверху хрустнула ветка, и я замерла. Дежурный вроде бы что-то говорил, слова я слышала, но не воспринимала. «Они вернулись, – в ужасе поняла я. – Они вернулись и сейчас меня найдут». Я бросилась вправо, где заросли малины выглядели совершенно непролазными, нырнула вниз и поползла на четвереньках, воя и раздирая в кровь руки. «Они меня не найдут, – шептала я. – Не найдут...» Налетев на гнилой пень коленкой, я опять взвыла и замерла. По-

том прислушалась. В лесу стояла такая тишина, что давила на уши. «Никого тут нет, – попробовала я утешить себя. – Эти гады ушли. Дураки они, что ли, носиться за мной по всему лесу. Им тоже страшно, ведь там, на поляне, они убили человека... Сережу...» Тут я наконец поняла, что произошло, и разревелась. «Господи, неужели это все по-настоящему? Не могу поверить...» Кажется, в голове у меня все перемешалось, и немудрено: до сей поры я ни разу не видела мертвых, я имею в виду вблизи. А тут прямо на моих глазах убили человека... Я попробовала встать и идти. Где-то через пару метров согнулась пополам, вцепившись в ствол какого-то дерева. Меня долго и мучительно рвало. Я опять подумала о Сереже, заревела еще горше, но заставила себя двигаться. Надо выбираться отсюда.

Минут через десять, когда в мозгах понемногу стало проясняться, я попробовала сориентироваться.

– Мне надо выйти на дорогу, – бормотала я, нервно отбрасывая пряди волос с горящего лба. – Здесь, в лесу, у меня никаких шансов, а на дороге люди, кто-нибудь обязательно поможет. Главное, выбраться отсюда. Нужно двигаться вдоль обрыва, потом подняться наверх, а там до дороги не так уж и далеко.

Кажется, я рассуждала вполне здраво, и это меня порадовало.

Тут в голову вдруг пришло, что Сережа лежит на поля-

не... а если он жив? Я должна вернуться и посмотреть. Если я что-нибудь понимаю, стреляли в голову. Может человек остаться живым после этого? Мои познания в медицине оставляли желать лучшего, точнее, они сводились к нулю: я помнила, что при головной боли надо пить анальгин, все остальное – тайна за семью печатями. А если он все-таки жив? Перед глазами вновь возникла картина: отброшенная в сторону рука, точно тряпичная, неживая. Господи, они убили его...

Тут я сообразила, что никуда не двигаюсь, стою, прислонившись спиной к шершавому стволу, и смотрю в небо. Где-то высоко плыли облака, кроны деревьев мерно раскачивались, легкий ветерок играл листьями. «Это все неправда, – захныкала я. – Так не бывает...» Еще как бывает. Просто мне и в голову не могло прийти, что такое случится со мной... Я должна вернуться к нему. Если он все-таки жив... чем я помогу? Вызову «Скорую»? Я просто буду рядом, вот что. Нельзя человеку лежать, обливаясь кровью, на какой-то лесной поляне и знать, что никто не придет и не поможет.

Я начала торопливо подниматься наверх, хватаясь за ветки кустов, туфля слетела, я подхватила ее и сжала в руке, сейчас самый удобный способ передвижения был на четвереньках. «А если эти типы там? – в ужасе подумала я. – Дураки они, что ли? Убийцы должны быстро скрыться с места преступления. К тому же меня они не нашли и рассудили, что я брошусь за помощью к посту ГАИ, значит, могут ожи-

дать с минуты на минуту появления милиции. Конечно, они уже уехали. По крайней мере, убрались с поляны, хотя вполне возможно, что затаились где-то и подкарауливают меня».

– Я не хочу туда идти, – пожаловалась я, взглянув на пушистые облака вверху, и горько заплакала, представив, каково это: умирать в полном одиночестве и знать, что никому до этого никакого дела. – Я иду, – заверила я кого-то и с удвоенной энергией заспешила вверх по склону.

Наконец я смогла выпрямиться и оглядеться. Передо мной был молодой ельник, если я до этого момента двигалась вправо, значит, теперь мне надо идти вдоль обрыва в обратную сторону. Я надела туфлю и, повесив сумку на плечо, бросилась бежать. А если убийцы все-таки поджидают меня там? Чепуха. Им и в голову не придет, что я осмелюсь вернуться. Мне бы и самой это в голову не пришло, не тукнись я так сильно затылком. Нет, эти гады решили, что я пробираюсь к посту ГАИ или выскочила на дорогу... вполне возможно, что там они меня и ждут. Я бы на их месте именно так и сделала. Если они следили за Сережей, а они следили, значит, знают, что мы познакомились всего пару часов назад и нас с ним ничто не связывает. Господи боже, выходит, они знают про Алькину машину... Стоп, стоп, стоп. Когда я заметила «Тойоту»? Когда мы выехали из города. Нет, чуть позднее. Когда я отдыхала на дороге, их точно не было, я бы обратила внимание, дорога вообще выглядела пустынной. А когда Сережа тащил меня на буксире? Я так радовалась то-

му, что он блондин, что не заметила бы и вертолет на крыше «Опеля». Была «Тойота» или нет? Сережа посмотрел в зеркало, увидел этих типов и нахмурился. А потом сказал, что уже видел их после Старого Городища. Когда он тянул меня на буксире, наверняка смотрел в зеркало заднего обзора и «Тойоту» не видел, иначе бы сказал мне об этом. Так, так... выходит, они пристроились за нами позднее. Окна в «Опеле» тонированные. Вполне возможно, что о моем присутствии в машине они узнали от Сережи, когда он закричал «Таня, беги!». Номер «Тойоты» я не запомнила, кажется, там была тройка. Я даже не уверена, что она из нашей области... Если они видели мою машину... Бог мой, не мою, а Алькину... По номеру найти владельца труда не составит. Что же получается?

Я встала как вкопанная, шаря взглядом по сторонам. Местность казалась совершенно незнакомой, где может находиться поляна, в ум не шло... Если они видели мою машину, им нет нужды подстергать меня в лесу, достаточно подождать возле станции техобслуживания. Хотя и это маловероятно: раскатывать на такой приметной «Тойоте» довольно глупо. На их месте я бы постаралась убраться отсюда побыстрее да подальше...

Я еще раз попыталась сориентироваться. От типов в маске я бежала сломя голову и сейчас даже не могла сообразить, в какой стороне поляна. Оставив обрыв за спиной, пошла прямо, чутко прислушиваясь, и вскоре смогла различить шум

шоссе. И точно, минут через десять в просвете между деревьями мелькнул автобус. На шоссе сориентироваться будет проще, я прибавила шаг, кусты кончились, а я оказалась на той самой песчаной дорожке, куда мы недавно съехали с Сережей. Бросилась бегом и очень скоро выскочила на поляну. «Опеля» нигде не было. Конечно, они могли отогнать его дальше в лес. Приглядевшись, я вынуждена была отказаться от этой мысли. Если «Опель» и покинул это место, то только по дороге – между деревьями, окружающими поляну, протиснуться было бы невозможно.

Я осторожно продвигалась по примятой колесами траве, следопыт я никудышный, но, на мой взгляд, все здесь было так смято и утоптанно, а следы машин так перемешались, что разобрать, кто и где проезжал, попросту невозможно. Тут я остановилась, пытаюсь справиться с дыханием. Совсем рядом, за кустами, находилось место, где упал Сережа. Очень страшно было увидеть его мертвым.

– Сережа, – жалобно позвала я, понимая всю глупость подобного поступка, потом быстро сделала несколько шагов и осторожно выглянула. Поляна совершенно пуста. – А где же он? – растерялась я и пробежала по кругу. Место я запомнила очень хорошо, вот здесь стоял тип в маске, а вот здесь Сережа, точнее, не стоял, а висел, зажатый между своими мучителями, с вывернутыми назад руками и низко опущенной головой. Именно поэтому я плохо видела его из-за спины обладателя родимого пятна. И упал он вот сюда. Трава

вокруг была сильно примята, я наклонилась и вскрикнула, потом протянула руку, да так и застыла с вытаращенными глазами: на моих пальцах была кровь.

– Господи, господи, – шептала я, вытирая руку о траву. Вскочила и опрометью бросилась с поляны, но внезапно остановилась. Эти мерзавцы угнали «Опель» и куда-то спрятали... Сережу. Произносить слово «труп» даже мысленно не хотелось. А если он все-таки был жив и пополз к дороге? Я заставила себя вернуться к ужасному месту и присела на корточки. Крови было много, даже земля, казалось, пропитана ею, но никаких признаков того, что кто-то полз... «Не валяй дурака, – мысленно одернула я себя. – Сережа убит, ты сама видела, этот гад держал пистолет прямо возле его лба, а потом раздался выстрел, и Сережа упал. Не надо разбираться в медицине, чтобы понять: после такого по лесу не ползают. Значит, эти типы куда-то спрятали труп и угнали «Опель». Но мысль о том, что Сережа лежит где-то, отчаянно нуждаясь в помощи, меня не оставляла. Куда они могли его деть? Самое простое: столкнуть с обрыва, там, в зарослях, его не сразу найдут. Хотя это, по-моему, было глупо: если есть свидетель убийства, труп будут искать и, безусловно, смогут обнаружить. Зачем тогда тратить время, да еще и рисковать: милиция может появиться в любой момент и застать убийц на месте преступления.

Тут я сообразила, что занимаюсь не своим делом: рыскаю по лесу с растрепанными, точно у фурии, волосами, изодран-

ными в кровь руками и коленями и пытаюсь угадать, куда убийцы спрятали труп.

– Выбери́йся на шоссе! – громко сказала я себе и услышала нечто заставившее меня торопливо исчезнуть в кустах: по проселочной дороге ехала машина, кажется, даже не одна. «Вот дура», – в отчаянии подумала я и вновь побежала в сторону обрыва. Во второй раз делать это было почему-то труднее.

Сначала я бежала в одну сторону, потом в другую и каким-то непостижимым образом выбралась на шоссе. От него меня отделяла канава, поросшая крапивой. После всего происшедшего обращать на нее внимание было глупо, и я преодолела канаву, потеряв туфлю и едва не сломав ногу. За туфлей пришлось вернуться, я разревелась, но в конце концов смогла выбраться на асфальт. После попыталась представить, как я выгляжу. Надо полагать, хуже не бывает: вряд ли кому придет в голову остановиться по моей просьбе.

Я побрела по шоссе и преодолела пару километров, прежде чем подумала, что вполне могу нарваться на тех мерзавцев на «Тойоте», и шарахнулась в лес, посидела в ближайших кустах, досыта наревелась и вновь вышла на дорогу. От недавних событий и удара по затылку все в моей голове перепуталось, я не очень-то соображала и никак не могла придумать, что и как делать дальше. В сумке у меня был телефон, но в ту минуту я о нем начисто забыла.

Сзади появился микроавтобус, я махнула рукой, не осо-

бо надеясь на удачу, но он затормозил, дверь открылась, а я, войдя в салон и увидев двух молодых людей в одинаковых футболках, вдруг страшно перепугалась и, пролепетав что-то невразумительное, вознамерилась выскочить, но автобус уже тронулся с места. Я села и стала смотреть в окно. Парни поглядывали на меня с некоторым недоумением, я подумала, может, стоит им все рассказать, и вот тут впервые после убийства Сергея в голову пришла мысль об Альке. Господи, как я ей все объясню? А она своему мужу? Как объяснит она, почему я оказалась здесь на ее машине? Да... вряд ли Алька за все это скажет мне спасибо. Но если убийцы машину видели, Алька сильно рискует... Стоп... надо все обдумать как следует. Я сейчас же иду в милицию и все рассказываю. В этом случае Витька непременно узнает о любовных шалостях супруги, зато я помогу отыскать убийц. Интересно, как? Номер машины не знаю, лиц не видела. Одного зовут Витькой – вот и все. Трупа на поляне нет, а детективы я смотрела и кое-какой мудрости смогла поднабраться: трупа нет – нет и убийства. Хотя есть кровь... Стоп, с этим потом. Я покажу милиционерам место, дам показания... Очень сомнительно, что они предоставят мне охрану. Сереже я в любом случае уже не помогу, зато подведу Альку и очень усложню жизнь себе. Но если в милицию не обращаться, то эти типы могут меня найти и скорее всего убьют. А зачем? Вот именно, зачем им меня убивать? Все трое были в масках, по голосам мне их ни в жизнь не опознать, остается родимое пятно, но

стрелявшему типу вряд ли придет в голову, что я там что-то углядела на его спине. Никакой причины меня преследовать, тем более если я не пойду в милицию... А чего ж они меня преследовали в лесу? Инстинкт: я побежала, значит, надо догнать. Глупость какая... Почему глупость? Они тоже люди и тоже были напуганы. Застрелили человека и с опозданием сообразили, что он был не один: есть свидетель, вот и бросились догонять. Все это полный бред... Если они решили от меня избавиться и при этом знают номер машины, обнаружить меня им труда не составит... Но если они знают номер, а меня не разглядели, значит, в большой опасности Алька. Вот черт, попала в переплет моя подружка. Заявить в милицию – разводиться с супругом, не заявить – рисковать жизнью... Кто говорит о риске? Может быть, я все напридумывала и сама себя запугала... Что напридумывала, убийство? Сережу застрелили на лесной поляне, и я это видела. Стоп... Эти гады подъехали и схватили Сережу, но никто не бросился за мной, даже когда Сережа крикнул: «Таня, беги!» Тип в маске выстрелил, и только когда я заорала как сумасшедшая, он велел сообщникам меня догнать. Стоп, стоп, стоп... они подъехали и схватили Сережу. Он был один возле «Опеля», если бы они знали, что я ехала вместе с ним, логичнее было бы одного из типов отрядить на поиски или просто затаиться в кустах. Разве нет? Выходит, про меня они не знали до тех пор, пока Сережа не крикнул, но и после этого не придали этому факту должного внимания, и, только когда я заорала...

– Девушка, вам куда? – кажется, парень уже в третий раз задавал мне этот вопрос.

Я вздрогнула и ответила:

– Вот здесь, пожалуйста, – совершенно не соображая, где нахожусь. Сунула ему деньги и торопливо вышла. Вокруг меня были двухэтажные дома с низкими палисадниками, навстречу шла молодая женщина с коляской, а в голове стоял ровный гул. «Если мое появление на поляне явилось для них неожиданностью, значит, момент нашего с Сережей знакомства они проглядели и о моей, то есть Алькиной, машине не знают. Следовательно, найти ни меня, ни тем более ее не смогут... А если не проглядели? Значит, будут ждать возле станции техобслуживания и до родного города я не доеду». Я села на попавшуюся на глаза скамейку и вроде бы опять собралась реветь. Решить, что делать, мне было явно не под силу, очень хотелось, чтобы кто-то мудрый и всезнающий доверительно побеседовал со мной, вник, прочувствовал и объяснил, как поступить.

– Надо идти в милицию, – вздохнула я и подумала об Альке, вслед за этим сказала: – Она меня убьет, – и поднялась со скамейки. Потом, опомнившись, достала телефон и попыталась связаться с любимой подругой. Как видно, сегодня ее мои проблемы не интересовали, она вновь не пожелала откликнуться. «Что же мне делать-то? – разозлилась я. – Вот будет номер, если эти типы знать обо мне не знают, а Альке придется разводиться со своим голубоглазым. Витенька

самолюбив до безрассудства и, узнав об измене супруги, будет сильно гневаться. Даже то, что развод нанесет серьезный удар их бизнесу (кстати, это одна из причин, почему подружка сохранила семью), его не остановит. Не посоветовавшись с Алькой, такую свинью я ей подложить не могу. Надо успокоиться (а сейчас я не в состоянии успокоиться), обсудить ситуацию и принять верное решение. В настоящий момент я на это тоже не способна. Значит, решение откладывается до разговора с Алькой, она придумает, что наплести благоверному, и мы как-нибудь да выпутаемся из этой передраги... Все это хорошо, если убийцы не поджидают меня на станции техобслуживания. В людном месте они вряд ли откроют стрельбу, если хоть что-то покажется мне подозрительным, сразу же позвоню в милицию. Они ведь не знают, что у меня в сумке есть телефон. И газовый баллончик», – добавила я.

Обрадовавшись, что смогла принять хоть какое-то решение, я зашагала по улице. Возле перекрестка она неожиданно оборвалась, далее пошли гаражи, а я сообразила, что совершенно не знаю, в какой стороне находится станция техобслуживания. На счастье, городок оказался совсем маленьким, я спросила дорогу у прохожих и узнала, что до станции можно доехать автобусом, но лучше его не ждать, так как появляются они весьма неохотно, а пешком идти не более получаса.

Я смогла добраться за двадцать минут. Станция техобслуживания возникла из-за очередного поворота и как-то совер-

шенно неожиданно. Я охнула и не придумала ничего лучше, как спрятаться в кусты сирени. Постояла, пяля глаза на дорогу и ворота. Хоть убей, ничего подозрительного. Ворота распахнуты настежь, за ними внутри двора видны два «Москвичка» и «Жигули», а дорога и вовсе пустынна. Потомившись минут десять, я решительно зашагала к станции.

Машина была готова, правда, стоило мне это таких денег, что в другое время я бы скорее всего лишилась чувств, тем более что так и не поняла: что такого особенного в ней сломалось. Парень в ярком комбинезоне душевно объяснил, что иномарками они вообще-то не занимаются и мне еще повезло, что у него лично нашлись кое-какие запчасти... Я добавила на чай, сегодня никакая сумма впечатления произвести уже не могла, одолевали другие мысли. Деньги Алька мне вернет, конечно, машина, в конце концов, ее... О, черт, о чем я думаю, интересно?

Я зашла в туалет, умылась и попробовала придать себе нормальный человеческий вид. Получилось так себе. Потом я завела мотор и покинула станцию, вертя головой с намерением углядеть, что происходит вокруг меня. «Тойоты» нигде не наблюдалось. Не будут они разъезжать на ней, поскольку решили, что я бросилась к посту ГАИ. Не будут... может, это еще хуже. По крайней мере, знала бы, что они за мной следят, а так хоть всех подряд подозревай. Движение на дороге оживленным не назовешь, и вроде бы никому до меня нет никакого дела.

Я выехала из города и на развилке увидела милиционера. Он стоял на обочине, посматривал на дорогу и, судя по всему, ждал попутный транспорт. Я затормозила. Милиционер, оказавшийся молодым носатым шатеном, недоверчиво наклонился к предупредительно распахнутой двери и спросил:

– Подвезете?

– Садитесь, – попробовала улыбнуться я.

Он сел, а я вздохнула с заметным облегчением: близость родной милиции успокаивала.

– Шикарная машина, – заметил молодой человек. – Никогда раньше на такой не ездил. Дорогая, наверное?

– Наверное. Я по доверенности езжу.

– Ясно.

Тут стало ясно еще кое-что, сержант милиции, звали его Сережа (услышав это имя, я вздрогнула и даже побледнела), так вот, Сережа отправился в свой законный выходной к приятелю, и нам с ним по пути, следовательно, всю дорогу до родного города я буду находиться под охраной. Не успела я порадоваться такому везению, как справа появился указатель и тот самый съезд на проселочную дорогу, с которой и начались все мои несчастья. Сейчас вдоль обочины стояли три машины, в том числе и милицейская.

– Авария, что ли? – нахмурился сержант.

– Непохоже, – покачала я головой и затормозила, считая, что со стороны мое любопытство выглядит вполне извинительным. – Спросим, в чем дело? – неуверенно предложи-

ла я, надеясь, что сидевший рядом сержант мог бы что-то узнать...

В общем, мы вышли из машины и немного прошлись. Сержант отправился к водителю милицейской машины, а я потопталась рядом с компанией оживленно беседующих мужчин и женщин, но ничего касавшегося недавних событий не услышала: люди строили догадки и высказывали предположения. Я вернулась к «Ауди» и посигналила, сержант подбежал, торопливо сел и, когда мы отъехали, пояснил:

– Вроде бы убийство. Кто-то позвонил, что здесь в лесу застрелили человека.

– Правда застрелили?

Парень пожал плечами:

– Может, и правда. Черт-те что творится... Кровь нашли.

– Кровь? – спросила я.

– Ага. Собаку вызвали, может, найдут чего.

– Убийцу?

– Убийцу вряд ли. Труп.

– Так не нашли?

– Говорю, кто-то позвонил и сообщил об убийстве, трупа нет, правда, кровищи полно. Может, убили, а может, у звонившего белая горячка. Полно психов, – добавил сержант с обидой.

Мы въехали в город. Распростившись с моим попутчиком,

я торопливо извлекла телефон. Алька не отвечала.

– Да что это в самом деле? – разозлилась я, и было от чего: ее нежелание объявиться делало проблему неразрешимой, я не могу пойти в милицию, пока не поговорю с ней и мы не придумаем пристойную версию происходящего, а пока не появлюсь в милиции, я подвергаюсь вполне реальной опасности погибнуть как нежелательный свидетель. – Ответь мне наконец, – попросила я и набрала номер Алькиного домашнего телефона. Автоответчик подружкиным голосом попросил оставить сообщение. – Это я. – Сильно гневаясь, я позабыла поздороваться. – Как объявишься, немедленно позвони, у меня неприятности. Нет, не неприятности. Со мной черт знает что приключилось.

Мне вроде бы полегчало. Я завела мотор и поехала по проспекту. Подружка загуляла, домой еще не вернулась, а на мои звонки не обращает внимания. Конечно, это свинство, но для влюбленной женщины прощительное. Алька обожает чужие неприятности и, как только услышит мое сообщение, непременно объявится. А уж там решим, как быть дальше.

Привычные улицы вокруг успокаивали. У химкомбината я свернула направо и въехала в ворота кооперативного гаража. С Алькой мы договорились, что если я по какой-либо причине не смогу ей вернуть машину сразу, то поставлю ее в гараж Димки Савельева, чтобы Витенька, случайно наткнувшись на «Ауди» жены, не смог заподозрить каких-либо хитростей.

Гараж Димки пустовал с весны, сам он уехал в командировку на полгода, а гараж просил сдать в аренду, ежели найдутся желающие. Мы дважды давали объявление в газету, но таковых не обнаружилось, так что совесть наша была чиста, а гаражом не грех было и попользоваться. Я загнала машину, едва протиснувшись между двумя широченными верстак-ками, назначение которых мне было совершенно непонятно: оба застелены девственно-чистой клеенкой, это вызывало подозрение в том, что Димка – лодырь, мог хоть раз их как-то использовать.

Я приоткрыла дверь «Ауди», стараясь не ободрать ее о дурацкий верстак, кое-как выбралась из машины и попыталась спрятать ключи в том месте, где их всегда прятала Алька: под передним пассажирским сиденьем. Проведя по обратной стороне сиденья ладонью, можно было обнаружить крючок, на него Алька и вешала ключи, коли в том была необходимость. Тайник идеальный, мне бы, например, в жизни не пришло в голову там что-то прятать. В общем, я попыталась повесить ключи, однако проделать это с первой попытки не смогла, дурацкий верстак мешал открыть дверь на должную ширину, я втиснулась как-то боком и рукой до крючка не доставала, к тому же ударилась своей многострадальной лодыжкой о порог и взвыла.

– Да что ж это сегодня за день такой? – воскликнула я и еще раз попыталась нащупать крючок. Ничего не вышло. – Убью тебя! – простонала я, имея в виду Альку, после чего,

решив не истязать себя, влезла в машину, легла на сиденья и сунула вниз голову одновременно с рукой.

Вместо крючка я смогла нащупать кое-что другое: небольшой целлофановый пакетик. Извлекла его на свет божий, разглядела содержимое и громко сказала:

– Мама моя! – с испугом косясь на распахнутые ворота гаража. Перевела взгляд на пакет и зябко поежилась. Неужели Алька оставила это в машине? Дура она, что ли? К ее услугам сейф в банке. Даже если Витеньке об этом знать не положено, прятать такую ценность в машине – глупость невероятная. Нет, это не Алька. А кто? – О, черт! – через минуту возвестила я, вроде бы уяснив, за что убили Сережу. Точно, все сходится. Он заметил «Тойоту», насторожился, поэтому и кинулся мне на помощь. А на станции техобслуживания вполне мог спрятать пакет в мою машину, решив, что так будет безопаснее. Оттого и уговаривал меня поехать с ним, чтобы завтра вдвоем вернуться за «Ауди». На станции никому бы в голову не пришло обшаривать сиденье с другой стороны, а на хвосте у него были преследователи, и Сережа надеялся их провести. Только они не стали с ним беседовать, а просто убили и угнали «Опель», чтобы в тихом месте, не спеша и основательно его обыскать... Что Сережа успел сказать перед смертью: «Я не понимаю. Это какое-то недоразумение». Конечно, они требовали пакет и были абсолютно уверены, что он в «Опеле», не то поостереглись бы убивать так поспешно.

– Все сходится, – проронила я вслух. За что убили Сережу, ясно. Неясно, что теперь делать. Идти с этим в милицию? Подвести Альку и нажать себе кучу неприятностей? Нет, идти в милицию теперь и вовсе не хотелось. Зато очень хотелось посоветоваться с дельным человеком. Поэтому, достав телефон, я набрала номер своей мамы. Выйдя на пенсию, она проживала в дачном поселке, в двадцати километрах от города. Во всем поселке было два телефона: на почте и у моей мамы, и такая милость судьбы объяснялась просто: мама много лет проработала бухгалтером на телефонной станции. Сейчас я этому обстоятельству была чрезвычайно рада.

– Алло, – услышала я голос сестры, неделю назад она прилетела погостить и сейчас жила с мамой на даче.

– Где мама? – спросила я торопливо.

– У соседки. Позвать?

– Нет. Мне нужна ты.

У Ленки два несомненных достоинства, об одном я уже говорила: превращать мои идеи в звонкую монету. Второе: мгновенно оценивать любую ситуацию. Сейчас она мигом задействовала оба этих качества.

...Через полчаса я покинула гараж, имея в голове план дальнейших действий, и при этом мучилась вопросом: смогу ли добраться до дома? Что-то подсказывало мне, что смогу. Чтобы основательно распотрошить «Опель», нужно время, только после этого типы в масках вспомнят обо мне. Хотя маловероятно, что они решат, будто Сережа спрятал пакет

в моей машине: появился бы риск больше его не увидеть. Однако Сережа все-таки это сделал... Ладно, сейчас главное – добраться до дома и найти Альку.

Гараж я покинула с заметным страхом, озираясь по сторонам. Возле троллейбусной остановки зашла в магазин за продуктами и на такси отправилась домой, по дороге так и не углядев ничего подозрительного. Возле подъезда столкнулась с соседкой Екатериной Петровной.

– Танюша, ты к своим не собираешься? – спросила она, поздоровавшись, имея в виду маму и Ленку. Дело в том, что на даче мы тоже соседствовали: ее дом стоял прямо напротив нашего, собственно, благодаря стараниям Екатерины Петровны мама и стала дачницей.

– В субботу поеду.

– А я вот завтра с утра собралась.

– На машине? – поинтересовалась я и очень обрадовалась, услышав:

– Да, Коля обещал отвезти.

– Екатерина Петровна, – с подхалимской улыбкой начала я. – Может, тогда прихватите для моих сумочку?

– Конечно, Танюша, какой разговор.

– Я тогда попозже вам ее занесу.

– Заноси. Я только до магазина и обратно, через час уж точно дома буду.

Поблагодарив Екатерину Петровну, я юркнула в подъезд, радуясь тому, что хоть в одном мне повезло: не надо самой

ехать на дачу.

В кухне, вымыв руки, я извлекла буханку хлеба, сделала глубокий надрез внизу, расширила его руками и вставила в щель найденный мною пакет, после чего постаралась замаскировать дело рук своих и вновь запечатала хлеб в целлофан. Закончив с этим, позвонила сестре. Мама от соседки еще не вернулась, и говорить мы могли совершенно свободно.

Приготовив сумку к отправке, я еще раз попыталась обнаружить Альку. Телефон на ее даче молчал, как рыба, а домашний наконец ответил. Трубку снял Витенька.

– Добрый вечер, – сказала я.

– Татьяна, ты? – Голос его звучал как-то странно.

– Я.

– Не знаешь, где может быть Альбина? Я сегодня весь день нигде не могу ее застать.

– Не знаю, – честно ответила я, потому что и вправду не знала. Вопросы задавать поостереглась, бог знает, что Алька ему наболтала. Как бы не выдать ее ненароком.

– Витя, Алька появится, пусть мне позвонит, хорошо?

– Хорошо. Что у тебя там за неприятности?

– Так... ерунда. Привет Альке.

Я повесила трубку и призадумалась. Витька кинулся на розыски, пока он по Алькиному сотовому не звонил по неизвестной мне причине, но в конце концов, конечно, позвонит. А Алькин сотовый в моей сумке, и что-то по этому поводу я наплести должна. Конечно, можно не отзываться, только

вдруг позвонит она сама? Надеюсь, у нее хватит ума вспомнить, что у меня есть домашний телефон. Нет, я со всем этим точно свихнусь. Где ее черти носят, кобылу влюбленную?

Тут в дверь позвонили, а я подпрыгнула, подошла и, с трудом сглотнув, спросила тоненько:

– Кто?

– Танюша... – позвала Екатерина Петровна, я торопливо открыла дверь. – Сумку давай. Поехали мы.

– Вы же хотели завтра.

– У моего на неделе семь пятниц. Полетим на ночь глядя.

Я отдала сумку, пожелала соседке счастливого пути и вновь устроилась у телефона поджидать звонка от Альки. Однако позвонила Ленка, примерно через час.

– Мама у Петровых в лото играет, говорим свободно. Хлеб я получила.

– У меня белая горячка или они настоящие?

– Настоящие, – ответила она.

– С ума сойти. – Я попыталась осмыслить Ленкино сообщение, получалось плохо. Я спросила: – Когда уезжаешь?

– Послезавтра, у меня ж билет.

– Ага. Думаю, разумнее будет нам не встречаться.

– Ты ж говорила, на тебя не подумают...

– А вдруг они жутко сообразительные? В общем, подготовь маму к тому, что я не смогу тебя проводить.

– Хорошо. Совру, что у твоей школьной подруги кто-то умер и ты уехала.

– О господи. Мама замучает меня расспросами.

– Ничего, переживешь.

– Ладно. На всякий случай до свидания.

– Как приеду, позвоню.

Я вздохнула и повесила трубку, прошла по квартире, размышляя и насвистывая. Все бы ничего, да вот Алька меня сильно беспокоила. Где ее носит? Взглянув на часы, я решила позвонить еще раз, однако меня опередил Витька.

– Татьяна, Алька не звонила?

– Нет...

– А о своих планах ничего не рассказывала?

– Ничего.

– Когда ты ее видела?

– Вчера. Поздно вечером, она ко мне заезжала...

– Да... – Витька задумался. – Не пойму, где она может быть...

– Да где угодно, – попыталась я его утешить. – Она же деловая женщина...

– Но позвонить-то она могла. А она не звонит и на мои звонки не отвечает.

Значит, Витька все-таки искал Альку по сотовому, но я его звонки каким-то образом проворонила, и слава богу. Надо с сотовым поаккуратней, лучше всего убрать его куда-нибудь, чтобы по забывчивости не отозваться, а еще лучше вернуть Альке. Черт-те что, своих хлопот мало, так еще прикрывай подружкины шашни!

– Думаю, ты зря беспокоишься, – заметила я, Витька вздохнул и сказал:

– Ладно, извини. – И повесил трубку.

Ночью я почти не спала, лежа на спине, тарасилась в потолок, ожидая, когда в комнату вплывет рассвет, и чутко прислушиваясь. Шаги редких прохожих, шум транспорта... ничего подозрительного. Ближе к трем мне показалось, что в подъезд кто-то вошел и замер возле моей двери. Я вскочила и на цыпочках прокралась в прихожую. Тишина, как ночью на кладбище. Минут пятнадцать я стояла возле двери, потом махнула рукой и вернулась в постель. «Угораздило же вляпаться...»

Меня разбудил телефон, я вскочила, с перепугу не сообщив, где я и что происходит. Солнце заливало комнату, легкий ветерок шевелил шторы на окне, а я, взлохмаченная и несчастная, стояла рядом с постелью и зябко ежилась. Потом схватила трубку:

– Алло.

– Татьяна, она звонила? – Судя по голосу, у Витьки была самая настоящая истерика.

– Мне нет. Что, до сих пор домой не вернулась?

– Не вернулась. Это черт знает что такое! И не звонит. Ты правда не знаешь, где она?

– Правда. Слушай, а не могла она к матери уехать?

– К матери? – Он задумался. – Конечно, проверить бы на-

до, – сказал он через некоторое время, – но, если Альки там нет, мать понапрасну напугаем...

– Да-а.

Витька издал звук, похожий на всхлип, как-то не верилось, что голубоглазый столь сильно переживал из-за того, что Алька не ночевала дома. Не в первый раз такое случилось... Впрочем, вчера Алька даже не позвонила. Пока я размышляла, Витька перевел дыхание и вдруг спросил:

– Ты была в гараже?

– Где? – не поняла я.

– У нас в гараже.

– Когда?

– Сегодня утром. – Я перевела взгляд на часы: половина седьмого.

– Ты что, спятил? – искренне удивилась я.

– Может быть, вчера вечером или ночью?

Не иначе Алькино исчезновение лишило муженька разума.

– Витька, что мне делать в твоём гараже?

– Кто-то обыскивал мою машину.

– Что?! – Тут я сообразила, что ору во весь голос, постояла немного, силясь сдержать дрожь, и спросила уже спокойнее:

– С чего ты взял, что машину обыскивали?

– Я вижу! – взвизгнул он. – Кто-то в ней рылся.

– Витя, кому придет в голову рыться в твоей машине?

– Не знаю, я подумал, может быть, ты?

– Мне это совершенно ни к чему. Слушай, может, Алька? – выдала я предположение и сама устыдилась, настолько это было глупо.

– Черт знает что! – рявкнул он и бросил трубку, а я заметалась по квартире.

Выходит, эти типы все-таки смогли проследить Алькину «Ауди». Нет, не проследить. Они узнали номер машины, установили владельца и ночью попытались ее обыскать. У Витьки черный «Фольксваген», могли его перепутать с «Ауди», если, например, осторожничали и возились там без света? Я и сама в это почти не верила, но другого объяснения не находила. У этих типов есть Алькин адрес, надо ее немедленно предупредить.

Я схватила телефон и, забыв про раннее утро, обзвонила всех, чей номер могла припомнить. Об Альке никто ничего стоящего сообщить не мог, потому что большинство знакомых в течение последних двух недель ее вовсе не видели.

– Куда ж ее черти унесли? – в отчаянии воскликнула я, взглянула на часы и стала искать телефонный справочник. Алькин возлюбленный должен знать, где ее носит. Я была с ним незнакома, но сейчас не та ситуация, чтобы разводить церемонии.

Я нашла его служебный телефон и пыталась вспомнить отчество подружкиного возлюбленного. Георгиевич или Григорьевич, вроде бы Григорьевич, если и ошибусь, он от этого умереть не должен.

Трубку взяла секретарша и медовым голосом спросила:

– Что вам угодно?

– Поговорить с Александром Григорьевичем.

– Александр Георгиевич занят, – сурово ответила она.

Черт, все-таки перепутала. Это меня неожиданно разозлило.

– Я тоже занята, соедините немедленно, у меня важное дело.

– Как ваше имя?

– Скажите, звонит Алла Леонидовна.

Нас соединили, приятный мужской голос негромко позвал:

– Алло. Я слушаю.

– Александр Георгиевич?

– Да.

– Мне очень нужно с вами поговорить.

– Кто вы?

– Я подруга Аллы Леонидовны, Таня. Возможно, она обо мне рассказывала.

– Извините, нет.

– Это не так важно. Важно другое, я нигде не могу отыскать Аллу, дома она не ночевала.

– Сожалею, но не представляю, чем могу вам помочь.

Вот это возлюбленный! Похоже, такими пустяками его не проймешь.

– Вчерашний день вы провели вместе, – начала я, но он

меня перебил:

– С чего вы взяли? – Я растерялась, а он добавил: – Мы не виделись около десяти дней. – И повесил трубку, пока я все еще лихорадочно соображала, кто из нас двоих спятил.

– О, черт! – выругалась я, с минуту послушав короткие гудки, потом вновь набрала тот же номер.

– Александр Георгиевич только что уехал, – ядовито сообщила девица. – Когда вернется, не сказал.

Я выпила чаю, попыталась успокоиться, убедилась, что это вряд ли возможно, и громко возвестила на всю кухню:

– Сукин сын врет! – После чего торопливо оделась и бросилась к своей машине, которая находилась в трех кварталах от дома.

Через двадцать минут я была возле банка, табличка рядом с дверью выглядела очень внушительно, а охрана в холле и того круче. Я придала себе независимый вид и не спеша прошествовала мимо дюжих молодчиков. Однако, где искать Александра Георгиевича, не знала и сбилась с шага. Навстречу шла девушка в белой блузке, судя по всему служащая, и улыбалась. Если у человека хорошее настроение, может, не откажется помочь?

– Простите, – вежливо обратилась я. – Где я могу увидеть Александра Георгиевича?

– Прямо по коридору, последняя дверь.

В приемной сидела девица в ярко-красном костюме и пленительно улыбалась мне.

– Александр Георгиевич у себя? – в ответ улыбнулась я.

– Извините, сейчас он никого не принимает.

Я опустила на стул под растерянным взглядом секретарши, взяла со стола лист бумаги и авторучку и написала: «Если не хотите говорить со мной, я обращусь к вашей жене и в милицию», – сложила записку и подала секретарше:

– Передайте ему, пожалуйста. Я подожду, но недолго.

Не очень понимая, что происходит, девушка скрылась за дубовыми дверями. Вернулась она очень быстро.

– Пройдите, – сказала испуганно, и я вошла в кабинет.

За огромным столом сиделмоложавый мужчина с очень тонкими губами и пристально смотрел на меня сквозь стекла очков. Респектабельность, надежность, честность – читалось на высоком челе. Однако он солгал по телефону, и я хотела знать: почему?

– Вы Таня? – спросил он.

– Да. – Я села напротив и уставилась в его глаза. С минуту мы молчали.

– Чего вы от меня хотите? – не выдержал он.

– Я пытаюсь найти свою подругу.

– Вы думаете, с ней произошло несчастье?

Я пожалала плечами: такая мысль не приходила мне в голову, до сегодняшнего утра я думала, что Алька просто свихнулась от любви и где-то валяет дурака с любовником, но если этот парень сидит в своем кабинете, то где ж тогда моя подруга?

– Я не думаю, что с ней что-то произошло, – наконец ответила я. – Однако она не ночевала дома, ее муж уже дважды звонил мне, а так как на меня возложена миссия прикрытия, я очень переживаю и хотела бы знать, где она в настоящий момент находится.

– Очень сожалею, но я этого не знаю.

– Она ничего не рассказывала вам о своих планах?

– Нет, конечно, – вздохнул он. – Я звонил не позднее девяти.

– И как вы все это объясните? – удивилась я, а он нахмурился:

– А я вам ничего объяснять не обязан. Я позвонил, извинился и отменил свидание.

– А она, начисто забыв об этом, договорилась со мной?

– Не знаю, – отрезал он. – Объясняю, как было. Весь вчерашний день я провел на работе, накопилось много дел. Если нужны свидетели, их наберется несколько десятков, так что милицией меня пугать ни к чему.

Тут я сама перепугалась по-настоящему:

– Господи боже, почему вы говорите о свидетелях?

Он покусал тонкие губы, глядя в окно, и нервно произнес:

– Не понимаю, чего вы от меня хотите?

– Послушайте, – еще больше перепугалась я. – Вы что-нибудь знаете? Что с ней случилось?

– С Аллой? Понятия не имею.

– Но если она не встретилась с вами, почему сама не по-

ехала на фабрику, а послала меня?

Он пожал плечами и опять нахмурился, а я разозлилась.

– Я вам не верю, – заявила я твердо. – Бог знает почему вы лжете, только с Аллой вы встречались.

– Нет, – сказал он. – Последний раз я видел ее дней десять назад, если быть точным, в прошлый вторник. И с вами я попусту трачу время, потому что Алла мне небезразлична и ее... исчезновение меня беспокоит.

– Но ведь мне она сказала...

– Что едет со мной? Она что, назвала мое имя?

– Нет, – растерялась я, Алька всех любовников обозначала словечком «мой».

– Тогда с чего вы взяли, что она куда-то отправилась именно со мной?

– Она мне про вас рассказывала.

– Когда?

– Два месяца назад...

– А вам не приходило в голову, что у нее мог быть кто-то еще?

К сожалению, это было похоже на правду. Могла Алька, собираясь на дачу с одним типом, переключиться на другого, раз первый по занятости поехать не смог? Вполне. В кои-то веки целый день свободна... Я глубоко задумалась.

Александр Георгиевич уже минут пять то и дело поглядывал на часы. Я поднялась, сказала: «Извините», – и пошла к двери.

– Татьяна... – позвал он, пряча глаза. – Если вдруг что-то узнаете... позвоните.

Я кивнула, совершенно не понимая, что происходит.

В машине я понемногу пришла в себя, смотрела в окно невидящим взглядом и думала об Альке. «Что с ней могло случиться? Авария? Витьке наверняка давно бы сообщили. Внезапный сердечный приступ? Алька здорова, как лошадь. Что же тогда? А вдруг те типы на «Тойоте» ее выследили? Чушь, где они могли ее выследить?.. Если этот ее Александр Георгиевич не врет и встречу действительно отменил, куда и с кем она могла отправиться? Знакомых мужиков у нее полно. Почему не сказала мне о переменах в своих планах? Могла бы записку оставить, чтоб я с ума не сходила... Впрочем, возможно, Алька уже дома и я зря ношусь по городу и пугаю людей».

Я вернулась в свое жилище и попыталась приготовить обед. Хлопнула дверцей холодильника, из-под стола выпорхнул листок бумаги. Я удивленно наклонилась и схватила его. На листке, вырванном из Алькиной записной книжки, ее почерком было написано: «Поставь мою машину на стоянке возле офиса, она мне вечером понадобится». Вот черт, выходит, Алька была у меня, пока я болтала с ее возлюбленным? Почерк, безусловно, подружкин, но число на записке отсутствует. А если она оставила ее вчера? Бросила на стол, форточка открыта, я распахнула входную дверь, и записка от сквозняка оказалась на полу. Вчера я под стол не лазила и ее

не заметила, хотя Алька могла заскочить ко мне и сегодня.

– Черт-те что, – заявила я и придвинула телефон.

Витьки дома не было, я позвонила ему на работу, он отсутствовал и там, к сожалению, Алька тоже. Что делать с машиной? Перегнать, как просила она в записке? Я еще раз перечитала записку, силясь хоть что-то углядеть между строк. Разумеется, ничего не заприметила, швырнула бумажку в вазу на холодильнике и пошла к двери, грозно пообещав:

– Я убью ее, честно убью!

До гаража, где стояла «Ауди», я добралась на своей машине, затем выгнала Алькину красавицу, свою пристроила на ее место, заперла ворота и, уже сидя за рулем, еще немного поразмышляла. Надеюсь все-таки, что с подружкой полный порядок. Она где-то пылает роковой страстью, однако время выбрала и ко мне заскочила. Возможно, звонила, но автоответчика у меня нет, а сотовый лежит в чемодане в «темнушке», поэтому ей пришлось заехать ко мне и оставить записку.

Я вроде бы успокоила себя и направилась к офису, где Алька велела оставить «Ауди». Стоянка была забита до отказа, и я с большим трудом смогла пристроить машину. После чего вошла в двухэтажное здание офиса и справилась о подружке. Виктор Сергеевич заезжал, а Аллы Леонидовны ни вчера, ни сегодня не было. Впрочем, после обеда она скорее всего появится. У меня не было оптимизма секретарши. Что-то подсказывало мне, что так отчаянно пренебрегать ра-

ботой Алька бы не стала. Хотя отправила же она меня на эту фабрику?

– С ума сойдешь, – вновь неизвестно кому пожаловалась я и, остановив такси, поехала в гараж забрать свою машину и уже на ней вернулась домой.

Телефон услышала еще на лестнице, торопливо распахнула дверь и схватила трубку.

– Алло! – крикнула я с надеждой, что наконец услышу Алькин голос. Это был Витька.

– Где тебя носит? – набросился он на меня, это показалось обидным, и я ответила:

– У меня иногда тоже бывают дела.

– Она не звонила?

– Не знаю, меня же не было дома.

– Значит, никаких новостей?

Я прикинула, стоит ли рассказывать о записке. Если с Алькой ничего не случилось, то, конечно, не стоит: объясняй тогда Витьке, зачем мне понадобилась ее машина?

– Никаких, – ответила я хмуро.

– Она тебе правда ничего не рассказывала?

– Нет.

– Я думаю, может, стоит позвонить в милицию?

– Может... – ответила я.

– А если все в порядке и она просто куда-то уехала?

– Витя, я не знаю... Надеюсь, что с ней ничего не случилось, но все это несколько странно.

– Да. Подождем еще немного, – сказал он и повесил трубку, а я стала бродить по квартире, пялилась на стены, где не было ничего интересного, и томилась.

Не прошло и часа, как вновь позвонил Витька, теперь у него точно была истерика.

– У меня угнали машину.

– Что? – не поняла я.

– Машину угнали. Зашел в кафе «Лада», в центре, знаешь? Вышел, а машины нет.

– О господи, только этого не хватало...

Тут нечто пришло мне в голову, и я спросила:

– Ты говорил, ночью в ней что-то искали?

– Я?

– Ты звонил мне утром...

– Может быть... Ты не поверишь, что сейчас со мною творится.

– Так искали или нет?

– Не знаю, – вздохнул он. – Мне показалось... Хотя это глупо... Кому нужно что-то искать в машине? Другое дело – угнать. Я весь на нервах, бог знает что могло померещиться.

– В милицию звонил?

– Из-за Альки или машины?

– Из-за машины.

– Нет еще...

– А ты хорошо посмотрел? Может, ты ее где-то бросил и забыл?

– Не смейся меня, – грустно проронил Витька.

До самого вечера я не выходила из дома, продолжала бродить из угла в угол и гадать, куда могла деться Алька. Ни она, ни даже Витька больше не звонили. Вечером, не вынеся сидения в четырех стенах, я поехала к ее офису. Часы показывали 20.45, и стоянка была совершенно пуста. Я вышла из машины и прогулялась, хоть и без всякой надобности: посмотреть «Ауди» все-таки трудно. Выходит, Алька забрала машину, как обещала в записке. Значит, она жива-здоровая и занимается чем-то таким, что поглощает ее целиком, не оставляя места всяким мелочам, как, например, работа и подруга.

– Ладно, ты еще ко мне придешь, – погрозила я, завела мотор, стала разворачиваться и вот тут заметила «Тойоту». Она вынырнула из соседнего переулка и скрылась. Красный джип «Тойота». Неужели тот самый? Я чертыхнулась, пытаюсь унять дрожь в руках. Выходит, они за мной следят? Как давно? Утром я их вроде бы не видела. А может быть, я все это выдумываю? Мало ли в городе таких машин? Однако домой мне сразу же расхотелось, и я отправилась к одному моему знакомому, он художник, у него большая студия, где вечно толчется народ. Общество мне сейчас совершенно необходимо.

Я оставила машину возле подъезда и поднялась на четвертый этаж. Судя по шуму из-за двери, что-то праздновали. Я позвонила, и дверь открыл Олег, то есть хозяин. Босой, с го-

лой грудью, одет в немыслимо грязные шорты.

– Проходи, – кивнул он, я прошла, здороваясь на ходу, в студии набилось человек двадцать, все громко разговаривали и друг друга вроде бы не слышали.

– Чего празднуешь? – проорала я на ухо Олегу.

– Так, собрались, – пожал он плечами.

– Можно, я у тебя заночую?

– Если найдешь место – пожалуйста.

Место я нашла.

Утром я проснулась часов в девять. На полу, в самых немыслимых позах, почивали человек шесть, из них я знала только одного. Стараясь не шуметь, прошла в кухню, здесь у Олега стоял телефон, сам он спал у окна на раскладушке. Судя по всему, лег под утро, и будить его было совестно. Я взяла телефон и с ним отправилась в ванную, благо длинный провод это позволял, набрала Алькин номер, трубку снял Витька.

– Ну, что? – спросила я.

– Ничего, – буркнул он, точно именно меня винил во всех своих несчастьях. – Ни ее, ни ее машины. Мою тоже не нашли.

– На работу пойдешь?

– Кто-то ведь должен работать. Слушай, ты точно ничего не знаешь? Может, она решила отдохнуть и куда-то уехала?

– Может, но мне об этом ничего не известно.

– Ты ее лучшая подруга...

– Значит, у нее есть секреты и от лучших подруг.

– Ладно, – он вздохнул, – если будет что новенькое, позвоню.

Я поставила телефон на место, Олег открыл один глаз.

– Что случилось? – спросил он тихо.

– С кем? – попробовала удивиться я.

– С тобой, конечно.

– Это что, как-то заметно?

Он разглядывал меня больше минуты.

– Вроде нет... Только за пять лет такое в первый раз.

– Что?

– То, что ты у меня ночуешь.

– А... Тоска напала.

– Не хочешь, не говори, – обиделся он и закрыл глаз.

Я покинула его жилище и подошла к своей машине. Заднее колесо спущено. Я присела и минут пять увлеченно его разглядывала, силясь отгадать, что это: случайность или кто-то сознательно портит мне жизнь. Не отгадала, вздохнула и достала записку. Рядом остановилась машина, и молодой человек, приоткрыв дверь, спросил:

– Помочь?

– Если нетрудно, – улыбнулась я и тут же уставилась на него с подозрением: а что, если все подстроено? Парень вышел, поменял колесо и спросил:

– А как насчет телефончика?

Я вторично заставила себя улыбнуться и записала номер, правда, не свой. Мы одновременно сели за руль, и какое-то время он ехал сзади, я перепугалась и начала клацать зубами, на светофоре он свернул, чем вызвал еще больше подозрений.

– Нет, так нельзя, – пробормотала я вслух. – В сумасшедший дом угодишь, если начнешь подозревать каждого.

Я остановилась возле кафе, не спеша позавтракала и попыталась в очередной раз рассуждать здраво: «Алька забрала машину со стоянки, это позволяет надеяться, что ничего скверного с подружкой не случилось, значит, я всецело могу сосредоточиться на своей проблеме. «Тойоту» я вчера видела собственными глазами, но утверждать, что это та самая, не берусь. Если у Витеньки крыша не съехала и в его машине в самом деле кто-то копался, значит, убийцы Сережи уже вышли на хозяйку «Ауди» и то, что в данной ситуации Алька вдруг исчезла и ее никто не может найти, пожалуй, хорошо и для нее, и для меня. Они будут искать хозяйку, то есть Альку, а меня оставят в покое. А если они ее найдут? Или того хуже: уже нашли. Нет, это маловероятно. Значит, выход один: найти ее раньше их. Теперь надо решить, следует ли мне идти в милицию? Конечно, следует. То, что я не сделала этого сразу, вполне можно объяснить испугом, стрессом и бог знает чем. И пусть Алька как хочет, так и выкручивается, объясняя Витеньке, что я делала на фабрике... Ладно, дам ей еще один день, а послезавтра иду в милицию». Решив так,

я вроде бы успокоилась и отправилась домой. После обеда позвонила Витьке.

– Есть новости? – спросила хмуро.

– Ты знаешь, где она, да? – недовольно буркнул он.

– Я уже говорила: не знаю. Она не звонила?

– Нет, не звонила, – и добавил нехотя: – Заезжала домой.

– Ты ее видел?

– Нет. Оставила записку. Полная чушь. У какой-то неведомой подруги умерла мать. Она уехала на три дня. Как тебе это нравится?

– Я рада, что она жива и здорова.

– Ага. Я тоже рад. А что за подруга, ты не знаешь? И по сотовому она не отвечает, странно, да?

– А вдруг она его где-нибудь оставила, – подсказала я. – Забыла в кабинете или дома?

– Может, – вздохнул Витька. – Моя машина не нашлась. – Он вроде бы жаловался. – Езжу на такси.

– Купи другую машину, деньги у тебя есть. – Витьку я не любила и сочувствовать ему не собиралась. Он вроде бы обиделся и повесил трубку.

Значит, Алька, наврав мужу с три короба, крутит любовь неизвестно с кем. На всякий случай я позвонила в банк Александру Георгиевичу. Беседовать со мной он не пожелал, на что я не обиделась. Итак, герой-любовник трудится, следовательно, Алька выбрала кого-то другого. Странно, что она мне ничего о нем не рассказывала, подружка страсть как

любит делиться сердечными секретами. И с какой стати она общается с нами посредством записок? Раньше этого за ней вроде бы не водилось. Один раз за пару дней она могла бы позвонить, тем более что дома у нее автоответчик, а на работе секретарь. Чем больше я об этом думала, тем меньше мне это нравилось, и тут меня озарило: Алька собиралась ехать с любовником на дачу. Что, если она и сейчас там? Довольно безрассудно: а ну как Витенька, гонимый беспокойством, решит туда нагрянуть? Может, стоит у него узнать: был ли он на даче? Хотя нет, Витька вряд ли поедет, скорее – позвонит. Позавчера я туда тоже весь день звонила, без всякого толку. А что, если подружка не обращает внимания на звонки, чтобы не нарваться на муженька?

– Пожалуй, стоит съездить на дачу, – решила я.

Дач в семействе Гришиных было две. Одна, километрах в пятнадцати от города, представляла собой окруженное глухим забором огромное сооружение на высоком берегу реки. Внутреннее убранство вызывало отчаяние у людей, выросших, как я, в стандартных квартирах со стандартной мебелью. Здесь было все: от итальянского буфета чудовищных размеров до медвежьей шкуры у камина. Гостей сюда звали с охотой, водили по огромному дому, а гости с непривычки плутали и впадали в тоску. Я эту дачу не любила, и Алька, кстати, тоже, хотя и располагалась она действительно в красивом месте.

Вторая дача была много проще, но приятнее. Комнат

только пять, камин изяществом отделки не потрясал, зато возле него при случае приятно было отдохнуть в просторном кресле, а около дома был разбит сад и огромный цветник. Алька цветы любила и толк в них знала, поэтому клумбы радовали глаз от ранней весны до поздней осени.

Сюда мы с подружкой ездили с большой охотой, а вот Витенька вовсе не наведывался и много раз предлагал продать дачу за ненадобностью: надо думать, ее убранство не соответствовало его аристократической натуре.

От города до дачи полчаса езды. Я то и дело поглядывала по сторонам, но ничего подозрительного узреть не смогла и вскоре успокоилась.

Дачный поселок возник из-за поворота, и я свернула направо. Алькин дом размещался на отшибе, по этой причине подружка прозвала его хутором. Ворота были закрыты, я подъехала и на всякий случай посигналила. В доме, судя по всему, не было ни души, по крайней мере, на крыльце никто не появился.

Я вышла из машины и направилась к калитке, просунула руку между металлических прутьев и отодвинула засов, ожидая, когда, заливаясь громким лаем, из-за дома выскочит немецкая овчарка по кличке Норд. Мы с ним были давними друзьями. Однако странно, я дошла до крыльца, а пес так и не появился. Оглядевшись, я громко позвала:

– Норд... – и, напрасно прождав несколько минут, добавила: – Где тебя носит?

Парадная дверь была заперта, я немного подергала за ручку, бог знает зачем, обошла дом и встала перед дверью в кухню: здесь висел замок, но мне было хорошо известно, где хозяйева прячут ключ.

Я прошла к собачьей будке, которая была пуста, и сняла ключ с гвоздя, после чего вернулась к кухне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.